

**ИЗВЕСТИЯ
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ БАЗЫ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

**SNTL:n TIEDEAKATEMIAN KARJALAISSUOMALAISEN
TIETEELLISEN TUTKIMUSJAOSTON
TIEDONANTOJA**

№ 3

**ИЗДАНИЕ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ БАЗЫ
АКАДЕМИИ НАУК СССР
ПЕТРОЗАВОДСК**

1948

*Карело-Финская Советская Социалистическая
Республика есть социалистическое государство
рабочих и крестьян.*

(Из Конституции Карело-Финской ССР)

БИБЛИОТЕКА

Карельского ф-та

названия нет

ИЗВЕСТИЯ
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ БАЗЫ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

SNTL:n TIEDEAKATEMIAN KARJALAIS-SUOMALAISEN
TIETEELLISEN TUTKIMUSJAOSTON

TIEDONANTOJA

№ 3

ИЗДАНИЕ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ БАЗЫ
АКАДЕМИИ НАУК СССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1948

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Член-корреспондент АН СССР И. И. Горский (отв. редактор), проф. П. А. Борисов (зам. отв. редактора), канд. филолог. наук В. И. Алатырев, проф. А. Я. Кокин, проф. И. Ф. Правдин, канд. техн. наук С. В. Григорьев, В. И. Маше-зерский (секретарь редколлегии).

ОТ РЕДАКЦИИ

25 июля 1948 года Карело-Финская Советская Социалистическая Республика отмечала 25-летие своего существования.

За четверть века советской власти карело-финский народ, раскрепощенный Великой Октябрьской социалистической революцией, прошел славный путь национального, экономического и культурного развития.

Бывшая отсталая и глухая окраина царской России неузнаваемо изменилась. Новая, Советская Карелия стала одной из цветущих союзных республик.

В ней возникли и развились новые отрасли промышленности, построены десятки электростанций, открыты крупнейшие целлюлозно-бумажные комбинаты, ведутся разработки полезных ископаемых, созданы города — Кондопога, Медвежьегорск, Сегежа и др., являющиеся новыми промышленными и культурными центрами республики.

В прошлом край бездорожья, Карелия теперь покрылась сетью железных и шоссейных дорог, авиалиний. От Белого моря к Онежскому озеру страну пересекает Беломорско-Балтийский канал им. Сталина — грандиозное гидротехническое сооружение — гордость советской науки, советского народа.

Расцвела культура карело-финского народа, национальная по форме и социалистическая по содержанию. В республике осуществлено всеобщее начальное обучение. Она стала страной сплошной грамотности. В столице республики — Петрозаводске открыт университет, научно-исследовательская База АН СССР, Учительский институт и десятки средних учебных заведений. В республике работают национальный и русский театры, национальный кантеле-ансамбль, филармония, Дом народного творчества, Дворец пионеров, сотни самодеятельных художественных кружков.

В своей борьбе за освобождение от гнета царизма, помещиков, капиталистов и иностранных интервентов, в борьбе за политический, экономический и культурный расцвет края карело-финский народ не был одинок. Он всегда и во всем ощущал мощную поддержку всех братских народов и в первую очередь со стороны своего старшего брата — великого русского народа.

В этой дружбе народов — один из источников непобедимой силы и мощи страны Советов.

Праздник карело-финского народа явился ярчайшей демонстрацией торжества ленинско-сталинской национальной политики, грандиозных его успехов, достигнутых за 25 лет существования республики под руководством славной коммунистической партии и ее вождей В. И. Ленина и И. В. Сталина.

В связи с 25-летием Карело-Финской Советской Социалистической Республики 27—28 июля 1948 года в г. Петрозаводске состоялось объединенное заседание Ученых Советов Карело-Финской научно-исследовательской Базы АН СССР и Карело-Финского Государственного университета.

В настоящем выпуске «Известий» Карело-Финской научно-исследовательской Базы Академии наук СССР публикуются доклады, прочитанные учеными и научными работниками на объединенном заседании Ученых Советов.

ПРИВЕТСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА ТОВАРИЩУ И. В. СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

В дни всенародного праздника трудящихся нашей Республики, в дни славного 25-летия Карело-Финской Советской Социалистической Республики, участники юбилейного заседания Ученых Советов Карело-Финской научно-исследовательской Базы Академии наук СССР и Карело-Финского Государственного университета шлют первое слово любви и преданности Вам, великому вождю и учителю советского народа, лучшему другу ученых нашей страны, корифею передовой советской науки.

Под руководством родной большевистской партии, при братской помощи народов нашей страны, окруженный Вашей отеческой заботой и вниманием, народ Карело-Финской ССР добился замечательных успехов в деле социалистического преобразования своей жизни.

Социалистический строй, ленинско-сталинская дружба народов помогли карело-финскому народу покончить с вековым наследством дореволюционного прошлого: хозяйственной отсталостью, нищетой и бескультурьем и обеспечили в короткий срок быстрое развитие карело-финского народа, расцвет производительных сил и культуры Советской Карелии.

На всех этапах развития Советской Карелии народ ее ощущал Вашу, Иосиф Виссарионович, постоянную заботу о полном и всестороннем развитии творческих сил народа Карело-Финской ССР. Мы счастливы сообщить Вам о больших достижениях нашей республики в деле строительства социалистической культуры, подготовки высококвалифицированных кадров специалистов и развертывании научно-исследовательской работы. В 1923 году, к моменту образования Карельской АССР, здесь не было ни одного высшего учебного заведения и научного учреждения, средние школы исчислялись единицами, грамотность населения не превышала 25 процентов. Теперь Карело-Финская ССР является республикой сплошной грамотности. В республике имеется 569 школ и 15 техникумов, Учительский институт. В 1940 году был создан Карело-

Финский Государственный университет, который уже подготовил для различных отраслей народного хозяйства и культуры республики свыше 300 высококвалифицированных специалистов.

В 1946 году была создана Карело-Финская научно-исследовательская База Академии наук СССР, ставшая основным научным центром республики. Она развернула большую научно-исследовательскую работу по изучению производительных сил, истории и культуры Карелии. Совместно с Государственным университетом и другими научными учреждениями республики Карело-Финская База Академии наук СССР проводит большую работу по изучению западных районов К-ФССР, в соответствии с задачами их быстрее хозяйственно-экономического освоения.

Как и вся интеллигенция нашей страны, ученые и научные работники Карело-Финской ССР самоотверженно трудятся над выполнением Ваших, Иосиф Виссарионович, гениальных предначертаний послевоенной пятилетки. Мы даем Вам слово, наш любимый вождь и учитель, еще лучше работать, еще больше напрячь наши усилия для быстрее восстановления народного хозяйства и расцвета культуры Республики, для укрепления могущества нашего Советского государства и для торжества коммунизма.

Да здравствует наша великая Родина — Союз Советских Социалистических Республик!

Да здравствует славная Коммунистическая партия (большевиков) — организатор всех наших побед!

Да здравствует наш великий вождь и учитель, родной и любимый товарищ Сталин!

ПРИВЕТСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА ТОВАРИЩУ В. М. МОЛОТОВУ

Дорогой Вячеслав Михайлович!

Научные работники Карело-Финской ССР, собравшись на объединенное юбилейное заседание Ученых Советов Карело-Финской научно-исследовательской Базы Академии наук СССР и Карело-Финского Государственного университета, посвященное славному 25-летию нашей Республики, шлют Вам, верному соратнику великого Сталина, лучшему другу советской науки и культуры, почетному академику, свой пламенный сердечный привет!

Карело-финский народ под знаменем ленинско-сталинской национальной политики, благодаря помощи своего старшего брата — великого русского народа — ко дню своего знаменательного юбилея добился больших достижений во всех областях социалистического строительства. Под мудрым руководством товарища Сталина, могучей волей советских патриотов преобразован наш суровый северный край, претворены в жизнь чаяния, выраженные в бессмертных рунах «Калевалы».

Великий русский ученый Михайло Ломоносов вдохновенно говорил: «Пойдем ныне по своему отечеству, станем осматривать положение мест, и разделим к производству руд способные от неспособных. По многим доказательствам заключаю, что и в северных земных недрах пространно и богато царствует натура».

До Великой Октябрьской Социалистической революции, пока Карелия была колонией русского царизма, мысли о разработке природных богатств Карелии оставались только мечтой. Только советская власть превратила мечты великих корифеев науки в действительность.

И мы, ученые Карело-Финской ССР, с глубокой радостью и сознанием своего патриотического долга посвящаем свои исследования делу технического прогресса и культурного процветания нашей республики, дерзнув по завету незабвенного нашего друга Сергея Мироновича Кирова «встряхнуть эту старую землю» и «посмотреть недра этой земли, чтобы установить все, что в ней содержится».

Дорогой Вячеслав Михайлович!

В суровые годы Отечественной войны сыны и дочери карело-финского народа на полях сражений, в партизанских отрядах и на производстве вложили свою почетную лепту в дело сохранения независимости нашей любимой социалистической Родины.

Ныне карело-финский народ своим героическим трудом вкладывает свою лепту в дело укрепления могущества отчизны, в дело укрепления мира и демократии.

И мы рады приветствовать Вас, Вячеслав Михайлович, возглавляющего ленинско-сталинскую внешнюю политику страны Советов, направленную на борьбу за укрепление мира и безопасности народов.

Ученые Карелии желают Вам, Вячеслав Михайлович, долгих лет плодотворной работы на благо всех народов нашей Родины. Каждый из нас помнит Ваши мудрые слова: «Мы живем в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму».

Мы заверяем Вас и в Вашем лице Центральный Комитет Коммунистической партии и советское правительство, что и впредь будем служить этой благородной возвышенной цели.

Да здравствует организатор и вдохновитель наших побед — Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков!

Да здравствует любимый друг ученых Вячеслав Михайлович Молотов!

Да здравствует наш мудрый вожь, отец и учитель великий Сталин!

**ПРИВЕТСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА
ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ НАУК СССР
С. И. ВАВИЛОВУ**

В день двадцатипятилетия Карело-Финской ССР юбилейное заседание Ученых Советов от имени коллективов научных работников Карело-Финской Базы Академии наук СССР и Карело-Финского Государственного университета приветствует Вас и в Вашем лице — Штаб советской науки — Академию наук Союза ССР.

Ученые Карело-Финской ССР активно участвуют вместе со всеми трудящимися в огромной созидательной работе по восстановлению народного хозяйства и культуры нашей республики.

Мы обещаем Вам умножить свои усилия, направленные на дальнейший расцвет советской передовой науки, на укрепление могущества нашей великой Родины, на выполнение исторических задач, поставленных товарищем Сталиным.

Да здравствует советская передовая наука!

Да здравствует корифей науки — великий Сталин!

От имени Ученых Советов:

Директор Карело-Финской Базы Академии наук СССР,
член-корреспондент АН СССР

И. И. Горский

Директор Института истории, языка и литературы
Карело-Финской Базы Академии наук СССР, член-корреспондент АН СССР

Д. В. Бубрих

Ректор Карело-Финского Государственного университета, доцент

И. С. Яковлев

Проф. И. И. ГОРСКИЙ
Член-корреспондент Академии наук СССР

КАРЕЛО-ФИНСКАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ БАЗА АКАДЕМИИ НАУК СССР — НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РЕСПУБЛИКИ

Карело-Финская База Академии наук СССР — учреждение еще очень молодое. В дни, когда Карело-Финская республика празднует свой 25-летний юбилей, База насчитывает два года своего существования.

Два года — срок небольшой, однако за это время База Академии наук прошла основной организационный период, определила с помощью партийных и правительственных организаций республики и Совета филиалов и баз Академии наук СССР свою тематику и направление работ и твердо стала на ноги, как уже сформировавшаяся научная организация, призванная по своему положению быть научным центром республики.

Карело-Финская База Академии наук возникла не на пустом месте; не с момента ее организации начинается история науки и культуры в республике. И до нее в республике существовали организации, выполнявшие научно-исследовательские работы, служившие рассадником культуры и с успехом работавшие на научном фронте.

Развитие и рост науки и культуры в Карелии начались с момента освобождения Карелии от цепей царизма и капитализма.

До Великой Октябрьской социалистической революции в Карелии не было ни научных учреждений, ни высших учебных заведений. Царское правительство рассматривало Карелию, несмотря на ее близость к столице, как окраину, проводило по отношению к ней великодержавную политику и не принимало никаких мер для культурного развития края. Уровень культуры царской Карелии характеризуется цифрой 90% неграмотного населения и наличием всего четырех средних учебных заведений.

В первые годы советской власти своей самостоятельной научной базы Карелия не имела. Научная работа в небольшом объеме велась центральными научными учреждениями, посылавшими в Карелию экспедиции и отряды по исследованию того или иного района, по изучению какого-либо вопроса.

В 1921 г. декретом о комплексном использовании богатств Карель-

ской Трудовой Коммуны, подписанным В. И. Лениным, было намечено развитие лесной и бумажно-целлюлозной промышленности, постройка Кондопожского комбината и гидроэлектростанции, поисково-разведочные работы с целью использования огромных богатств края.

Этот декрет указал пути, по которым должно было идти изучение и освоение края, и в этом направлении в дальнейшем и развивалась научно-исследовательская работа, выполнявшаяся, однако, центральными научно-исследовательскими учреждениями.

Первым научно-исследовательским учреждением в Карелии являлся Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР, основанный в 1930 г. и с 1931 г. приступивший к работе. Институт культуры был комплексным и имел в своем составе секции: естественных производительных сил, сельскохозяйственную, этнографо-лингвистическую, историко-революционную, социально-экономическую, бюро краеведения, фундаментальную библиотеку. Вскоре к Институту были присоединены некоторые станции и лаборатории. К 1934 г. Институт организационно окреп и с успехом вел исследовательскую работу по различным отраслям науки. К этому же времени относится создание в Карелии филиалов центральных научно-исследовательских учреждений: Карельской научно-исследовательской рыбохозяйственной станции (КНИРС), Карельского института механизации и энергетики в лесном хозяйстве (КНИМЭ), Кандалакшского отделения Института рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО), Бородинской биологической станции.

Важным этапом в развитии исследовательской работы в Карелии была организация в 1932 г. Карело-Мурманского Комитета, созданного по указанию энтузиаста Севера Сергея Мироновича Кирова. Карело-Мурманский Комитет энергично взялся за организацию крупных исследовательских работ в Карелии, в особенности геологических.

Нельзя не отметить больших работ, выполненных с 1935 г. Академией наук по комплексному изучению районов Средней и Северной Карелии, а также комплексных исследований, произведенных в связи с постройкой Беломорско-Балтийского канала.

С 1937 г. Институт стал заниматься исключительно вопросами культуры, работая в области гуманитарных наук, и в этом отношении он являлся непосредственным предшественником Института истории, языка и литературы Карело-Финской научно-исследовательской Базы АН СССР, в который он был преобразован при организации Базы.

Весьма крупным событием в истории развития науки и культуры в Карелии является основание в 1940 г. Карело-Финского Государственного университета. С основанием Университета не только открылась возможность готовить кадры в Карелии, но появилась крупная ассоциация научных работников самых разнообразных специальностей, могущих разрешать многие проблемы хозяйственного и культурного развития страны. Создание Карело-Финского университета явилось не только стимулом к дальнейшему развитию науки и культуры в Карелии, но и доказательством того, что Карелия достигла в культурном отношении такого уровня, который обеспечивает подлинное существование и дальнейшее развитие высшей школы в республике.

Естественно, что все вышеперечисленные важные события в области культурного роста республики в послереволюционное время подготовили почву для создания научного центра в виде Карело-Финской научно-исследовательской Базы АН СССР. Ее создание явилось наглядным подтверждением культурной зрелости республики.

В настоящее время Карело-Финская научно-исследовательская База представляет собою научно-исследовательскую организацию комплексного характера, имеющую в своем составе Институт истории, языка и литературы, секторы: геолого-почвенный, ботанический, зоологический, гидрологии и водного хозяйства, экономики; лаборатории: леса, лесохимии, гидробиологии, технологии нерудного сырья, химико-аналитическую; библиотеку, кабинет картографии, шлифовальную мастерскую, Государственный заповедник «Кивач». Общий штат Базы составляет 164 человека, из них 64 научных работника (включая лаборантов). В числе научных работников — 2 члена-корреспондента АН СССР, 3 доктора и 18 кандидатов.

Одной из важнейших задач, поставленных перед руководством Базы, было создание на месте, в Петрозаводске, постоянных кадров научных работников. Первое время после организации Базы по необходимости приходилось ориентироваться на иногородних научных работников, работавших в Базе по совместительству. Борьба за постоянные кадры научных работников дала положительные результаты. Если на 1 января 1947 г. из 48 научных работников Базы 18 являлись иногородними совместителями, то в настоящее время (при штате в 164 чел.) из 64 научных работников иногородних совместителей всего 10 человек.

При Базе проходят аспирантуру 7 человек, имеется один докторант. Для занятий База располагает отведенным ей зданием в г. Петрозаводске, в котором размещаются сейчас все перечисленные выше части Базы. Кроме того, в местечке «Сайнаволоку» под лабораторию биологической группы наук отведен один дом из двух, предоставленных Базе Советом Министров республики. Исследовательская работа в области зоологии, ботаники и ихтиологии ведется также в Гос. заповеднике «Кивач».

Несмотря на короткий срок своего существования База довольно широко развернула свои работы, особенно в 1948 г., когда была организована, по решению партии и правительства Карело-Финской республики, крупная комплексная Западно-Карельская экспедиция, занимающая по объему работ более двух третей плана Базы.

В настоящее время Карело-Финская База АН СССР занимается следующими основными исследованиями.

По почвенно-геологическому сектору (зав. сектором проф. П. А. Борисов) производится составление почвенной карты республики в м. 1 : 500.000 (окончание в 1950 г.) с выделением участков, интересных с точки зрения сельскохозяйственного освоения и подлежащих в дальнейшем более детальному картированию. Одновременно с составлением почвенной карты производятся (другими отрядами) агропочвенные исследования, имеющие задачей дать оценку почв с сельскохозяйственной точки зрения, наметить необходимые мероприятия по повышению их плодородия.

Второй крупной проблемой геолого-почвенного сектора является изучение четвертичного покрова Карело-Финской республики с составлением карты четвертичных отложений, с нанесением элементов геоморфологии. При изучении четвертичных отложений одной из задач ставится выделение участков для поисков строительных материалов в районе трассы Западно-Карельской жел. дороги, необходимых для ее постройки.

Другими проблемами почвенно-геологического сектора, связанными

с изучением коренных пород, являются: изучение щелочных интрузий района озера Вуориярви и их титано-магнетитового оруденения, открытого в этом районе работами Карело-Финской Базы и Ленинградского Геологического Управления. Здесь же установлено присутствие вермикулита, являющегося ценным сырьем для теплоизоляции и производства блестящих красок. Заканчивается большая работа по изучению минералогии и геологии пегматитов Приладожского района от Питкяранты до Сортавалы с классификацией и характеристикой их. Этот новый район с промышленными участками, открытыми Леннерудтрестом и Карело-Финской Базой АН СССР, имеет громадные запасы и уже осваивается промышленностью. Заканчиваются также исследования гранитов Приладожского района, по возрасту относящихся к постладожской формации. Проводится работа по изучению месторождений серного колчедана в Центральной и Южной Карелии с основным упором на установление типов колчеданных месторождений, их сравнительную оценку и выяснение перспектив распространения.

Были начаты работы по изучению всех имеющихся материалов, касающихся полиметаллических месторождений Питкяранты с целью обобщения данных по геологии.

Результаты работ сектора освещены в многочисленных статьях, опубликованных в «Известиях» Базы. Особо следует отметить капитальную работу П. А. Борисова «Керамические пегматиты Карело-Финской ССР».

По сектору ботаники (зав. сектором проф. А. Я. Кокин) ведутся работы по повышению урожайности яровой пшеницы путем экспериментов по пропитыванию семян растворами микроэлементов (бора и меди) на фоне полного минерального удобрения. Работа по повышению урожайности яровой пшеницы производится на базе пригородного совхоза.

Ведутся опытные работы по ускорению развития овощных культур, таких, как помидоры, огурцы, лук и др. способом воздействия ростовых веществ путем опрыскивания молодых растений и намачивания посевного и посадочного материала в растворах ростовых веществ. Для растений южного происхождения применяется воздействие на рассаду укороченным днем. Повышение морозоустойчивости плодово-ягодных культур на примере саженцев яблонь разрабатывается с помощью применения ростовых веществ и минеральных удобрений.

Работами сектора выявлено большое количество древесных, кустарниковых и плодово-ягодных растений, экзотических для Карелии, но могущих быть акклиматизированными. Экспериментальная работа в этом направлении ведется в питомнике заповедника «Кивач» и в Сайнаволке.

В комплексе исследований Западно-Карельской экспедиции сектором ботаники проводится изучение лугов и пастбищ Западной Карелии с их ботанической и хозяйственной характеристикой и с установлением методов хозяйственного освоения как основной базы для развития животноводства.

Сектор ботаники нуждается в расширении опытной базы — в постройке оранжерей, в устройстве опытных участков, в более широкой связи с колхозами и совхозами.

Результаты работ сектора освещены в ряде статей, опубликованных в «Известиях» Базы.

Сектором гидрологии и водного хозяйства (зав. сектором доцент С. В. Григорьев) ведется большая работа в комплексной Западно-

Карельской экспедиции по выявлению водохозяйственных возможностей Западной Карелии в районе р. Лендерки и в бассейне верхней Суны.

Сектором выполнена фундаментальная работа по составлению каталога рек, имеющая большое значение при решении самых разнообразных вопросов гидроэнергетики, судоходства, лесосплава, рыбного хозяйства и пр.

Совместно с лабораторией гидробиологии проводится работа по составлению каталога и кадастра озер Карело-Финской ССР. В каталог вносятся все озера республики площадью не менее 0,1 кв. км. и приводятся основные данные для озер площадью не менее 1 кв. км. Кадастр с данными гидрологическими, гидробиологическими и ихтиологическими составляется для бассейнов рек Шуи, Суны и Лендерки.

В своей работе сектору гидрологии и водного хозяйства предстоит уделить большое внимание вопросам гидроэнергетики, и нет сомнения, что потребности народного хозяйства в решении этих важных вопросов должны быть полностью удовлетворены. Организационно это должно быть оформлено путем перестройки профиля работ сектора с соответствующим изменением его наименования.

Сектор зоологии (зав. сектором проф. И. Ф. Правдин) ведет работы: ихтиологические, зоологические (по птицам и млекопитающим) и гидробиологические, организационно объединенные гидробиологической лабораторией (зав. лабораторией проф. С. В. Герд).

Ихтиологические работы в Западной Карелии охватили Гимольское озеро и озера верхнего течения р. Суны (Поросозеро, Чудозеро, Суккозеро и др.) и должны в результате дать заключение о перспективах и направлении развития рыбного хозяйства. Закончено установление расового состава сигов Ладожского и Онежского озер и их бассейнов с монографическим описанием сигов. В текущем году исследуются сиги бассейна Белого моря с тем, чтобы в 1949 г. закончить монографию по сигам Карело-Финской республики. Приступлено к исследованию лососей и форелей, поскольку в речном и озерном промысле Карелии лососевые рыбы занимают первое место. Особенно интересны результаты по исследованию форелей северного Приладожья, где обнаружены значительные форелевые запасы, пригодные для промысла, а главное — для форелеводства.

По предложению местных рыбопромысловых организаций сектор зоологии (И. Ф. Правдин и В. С. Мельянец) разработал и передал в Министерство рыбной промышленности обоснования по заводскому разведению семги на р. Кеми.

В ихтиологических работах Карело-Финской Базы большое участие принимают Карело-Финский университет и Карело-Финское отделение ВНИОРХ.

По фауне наземных животных Карелии закончен первый этап работы по видовому учету промысловой фауны зверей и птиц, выполненный К-Ф Базой; требуется лишь уточнение по наиболее отдаленным районам республики. С текущего года начаты работы по изучению биологии и экологии промысловых зверей Западной Карелии с выяснением их хозяйственного значения и подытоживанием опытов по акклиматизации промысловых зверей. В Западной Карелии проводится также работа по изучению видового состава мышевидных грызунов.

Гидробиологическая лаборатория закончила составление кадастра озер бассейна р. Шуи и заканчивает кадастр озер бассейна р. Суны. Учтены материалы по 885 озерам. Работа ведется совместно с секто-

ром гидрологии и водного хозяйства. Разрабатывается естественная биологическая классификация озер Карелии на основе изучения биоценозов, генезиса и эволюции озер.

Развиваются работы на Белом море по исследованию малоизученных участков в западной части моря. Выявлены места с обильными и, вместе с тем, малоиспользуемыми кормовыми запасами для рыб. В связи с этим намечается опытная подсадка камбалы и трески из Баренцова моря в Онежский залив и Гриндинскую губу Белого моря. Производятся опыты по подкормке минеральными удобрениями морской флоры с целью выяснения возможности увеличения кормовых ресурсов для морских рыб. Работа зоологического сектора для своего дальнейшего роста и углубления познания фауны Карелии нуждается в усилении материальной базы. Необходима организация биологической станции на Ладожском озере, этом крупнейшем пресноводном водоеме Европы; к организации пункта для стационарных исследований на Онежском озере уже приступлено. Необходима организация стационарных работ по биологии и экологии промысловых животных; постройка или покупка специального судна для работ на Белом море. В дальнейшем сектор должен также заняться до сих пор не затронутыми, но в то же время весьма важными для народного хозяйства республики паразитологическими и экологическими исследованиями.

Сектор экономики — самый молодой из секторов — создан всего лишь несколько месяцев назад. В настоящее время его задачей является выявление экономических перспектив развития Западной Карелии с составлением схем ее освоения и хозяйственного развития с основным упором на эксплуатацию в ближайшее время лесных богатств района. Заведующий сектором (А. В. Иванов) является в то же время и начальником Западно-Карельской комплексной экспедиции. В обязанности сектора входит объединение и обобщение всех результатов работ Западно-Карельской экспедиции. В связи с первоочередностью освоения лесных богатств Западной Карелии сектором экономики выполняются некоторые работы, связанные с выработкой наиболее рациональных способов использования лесов, как, например, использование отходов древесины на лесосеках.

Лаборатория леса (руководитель Ф. С. Яковлев) так же, как и сектор экономики, организована недавно и, несомненно, в связи со значением леса в экономике Карелии вырастет в самостоятельный сектор и, возможно, далее — в Институт.

Лаборатория леса ведет наиболее крупные работы в составе Западно-Карельской экспедиции, где ей поручены следующие задачи — выделение площадей, пригодных для сельскохозяйственных культур, или для использования в качестве кормовой базы для скота (пастбища, сенокосы); разработка мероприятий, способствующих повышению производительности лесов; закладка пробных площадей в лесах различного типа для изучения факторов, влияющих на производительность лесных почв, на увеличение прироста древесины. Ведется работа по изучению процесса естественного возобновления леса разных пород на площади заповедника «Кивач» и в лесопунктах Петровского лесхоза, изучается анатомия древесины карельской березы.

Лаборатория леса нуждается в расширении, в укомплектовании ее специалистами различного профиля в области лесного хозяйства и лесной промышленности. В укомплектовании специалистами нуждается и лаборатория лесохимии.

Лаборатория технологии нерудного сырья в прошлом году под руководством чл.-корр. АН БССР М. А. Безбородова выполнила работу, доказавшую пригодность глин Андомского и соседних с ним месторождений для изготовления керамических изделий (посуды, изоляторов, капсюлей, гильз и т. п.). Были разработаны технологический процесс, рецептура, сделаны пробные образцы. Результаты работ переданы в промышленность, и в будущем на Кондопожском комбинате будет налажено производство керамических изделий.

В настоящее время лаборатория занята исследованиями строительных материалов республики.

Остальные части базы ведут в основном вспомогательную работу, обслуживая секторы выполнением различного рода поручений: исполнение химических анализов, составление карт и чертежей, изготовление шлифов и т. п.

Все эти вспомогательные учреждения Базы нуждаются в расширении, ибо объем ее работ уже в 1948 г. достиг такого размера, что необходимые вспомогательные работы не могут быть выполнены существующими кадрами.

Такова краткая характеристика работы секторов и лабораторий естественно-исторической группы. Ознакомимся теперь кратко с работой Института истории, языка и литературы, руководимого членом-корреспондентом АН СССР Д. В. Бубрихом.

Следует отметить, что Институт вошел в Базу, как учреждение, имевшее за собой тринадцать лет работы в области культуры. Институт уже зарекомендовал себя многочисленными, очень интересными и важными работами, имея свои традиции, свои темы и навыки. В 1946 году Институт вошел в состав вновь организованной Базы АН СССР. В последние годы особенно укрепились деловые связи Института с научными учреждениями АН СССР в Москве и Ленинграде.

Рассмотрим работу Института по секторам истории, языка и литературы.

В настоящее время сектор истории (зав. сектором кандидат Е. С. Гардин) решает одну из важнейших задач, какие когда-либо стояли перед ним, — составление «Истории Карелии с древнейших времен до наших дней» в 3-х томах.

Сводная история Карелии составляется впервые и имеет крупнейшее научное и политическое значение.

Первый том «Истории Карелии» охватывает период от древнейших времен до XVIII века, второй — с начала XIX века до 1917 года и третий — советский период.

По плану 1948 года Институт проводит также экспедиции: по собиранию материалов о Великой Отечественной войне (в пяти районах республики) и три археологические экспедиции по темам:

«Эпоха неолита по разновременным Сунским стоянкам» (нач. экспедиции доктор истор. наук А. Я. Брюсов);

«Границы расселения карел в X—XIII вв.» (нач. экспедиции канд. истор. наук А. М. Линевский);

«Археологические разведки на трассе Западно-Карельской железной дороги» (нач. экспедиции Н. Н. Гурина).

По плану 1948 года составляется летопись важнейших событий Великой Отечественной войны, советского периода истории Карелии.

Институт силами научных сотрудников исторического сектора,

архива и библиотеки консультирует научных работников, учителей и общественность города по вопросам истории.

В перспективе, по завершении трехтомной истории Карелии, сектор истории Института должен заняться углубленным исследованием важнейших периодов истории Карелии и карел, например, — истории Великой Отечественной войны, советского периода истории Карелии.

В самом ближайшем будущем сектор истории намечает изучение истории Финляндии, в первую очередь XIX и XX вв., в более широких масштабах разовьет работу по археологическому изучению Карелии и возобновит этнографическое изучение карел.

Сектор языка (зав. сектором В. И. Алатырев) занимается изучением четырех языков: финского, карельского, вепсского и русского. За время своего существования сектором языка проделана большая научно-исследовательская работа. Изданы: русско-финский словарь, грамматики финского и карельского языков, опубликованы десятки основополагающих статей, посвященных научной грамматике финского и карельского языков, закончена монографическая работа члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха «Фонетика финского-суоми языка», составлен сборник статей «Советское финноугроведение», т. V, посвященный вопросам теоретической грамматики не только финского и карельского, но и других финноугорских языков (удмуртского, коми и т. д.). В широком масштабе ведутся работы по изучению карельских, вепсских и русских диалектов. Карельские диалекты настолько глубоко изучены, что на основе собранных и систематизированных материалов составляется диалектологический атлас, который покажет схождение и расхождение карельских диалектов в историческом прошлом их бытования. Уже составлено 500 рабочих карт, к концу 1949 г. будет полностью завершена работа по диалектологическому атласу. Развертывается работа по изучению русских диалектов К-ФССР.

Карело-Финская База АН СССР стала одним из главных центров советского финноугорского языкознания в СССР. Изучаются не только финский, карельский, вепсский языки, но и другие финноугорские языки: удмуртский, коми, мордовский и т. д. В изданиях Базы печатаются работы, посвященные угорским (ханты, манси), самоедским (ненецкому и т. д.) языкам. На консультацию в Базу приезжают научные работники почти из всех финноугорских республик. Общеметодологические вопросы финноугроведения разрабатываются в основном в стенах нашей Базы и Института языка и мышления АН СССР (в г. Ленинграде). Поэтому, вполне естественно, что намеченная к созыву в 1949 г. 2-я Всесоюзная конференция по финноугорской филологии состоится в г. Петрозаводске.

Ведущими проблемами в работе сектора являются: составление теоретической грамматики финского языка, рассчитанной для студентов вузов, учителей и научных сотрудников-финноугроведов, составление полного русско-финского словаря, составление карельского диалектологического атласа, изучение вопросов теоретической грамматики вепсского языка, монографическое сравнительное описание диалектов карельского языка, исследование карельских и вепсских лексических элементов в русских говорах и русских лексических элементов в карельских и вепсских языках. Последняя тема должна показать древнейшие культурно-экономические связи русских племен с племенами прибалтийско-финскими. Над этими проблемами сектор языка будет работать и в будущем.

Научно-исследовательская работа сектора литературы (зав. сектором К. В. Чистов) развивалась по следующим направлениям:

а) Собрание и изучение карельского фольклора
Произведено детальное обследование бытования рун в большинстве районов республики. Одновременно была начата работа по собиранию и изучению карельской сказки и некоторых других жанров. В результате опубликованы «Карельские эпические песни» (на карельском языке), «Старинные карельские песни», сборник «Сампо», «Руны и исторические песни», «Карельские сказки» (на карельском языке), «Чудесные сказки» (на карельском языке), «Сказки М. Ремсу», «Вепские сказки» и др.

Особое значение имело собрание и изучение рун. Итоги этой работы должны быть подведены в дни 100-летнего юбилея «Калевалы» (1949 г.)

б) Собрание и изучение русского фольклора
Проведена большая работа по собиранию и изучению сказок, былин и приметей. Заканчивается детальное обследование фольклорной традиции Пудожского района. Изучена традиция сказывания былин в Заонежье. Начато обследование беломорских сказок. Всего по всем разделам собрано около 10 тысяч печатных листов.

Сектором издан ряд работ. Среди них: «Сказки Карельского Беломорья», «Сказки Ф. П. Господарева», «Былины Пудожского края», «Сказки и песни на Онежском заводе», «Былины П. И. Рябининой-Андреева», «Старая и новая Карелия в частушке», «Творчество народов К-ФССР», «Северные исторические песни», «Русские сказки Карелии», «Фольклор Советской Карелии», «Былины И. Г. Рябининой», «Сказитель Конашков» и др.

В настоящее время основные усилия сектора литературы направлены на подготовку к 100-летию юбилею «Калевалы». Готовится сборник «Карело-финские эпические песни», который подведет итоги собирания и изучения рун в советское время, сборник исследований «Калевалы» и брошюра «Калевала» — национальный эпос карело-финского народа» (на русском и финском языках): Публикация значительного количества вариантов рун и сборника исследований должна показать ведущую роль карельского народа в создании и развитии карело-финского народного эпоса, а также роль и значение этого замечательного памятника в истории мировой культуры.

Сборником «Сказки Пудожского края» закончится цикл исследований фольклорной традиции Пудожского района.

Монография «Ирина Федосова» должна дать первое обобщение новых материалов о жизни и творчестве крупнейшей сказительницы, осветить ее роль в истории русской литературы и фольклора.

В ближайшие годы сектор продолжит работу по собиранию и изучению карельского и русского фольклора Карелии, направив основное внимание на теоретические исследования по истории фольклора Карелии. Сектор должен начать работу по изучению финской классической и советской литературы, создать марксистскую «Историю финской литературы».

Необходимо возродить изучение музыкального и изобразительного фольклора.

Таковы краткие сведения о двухлетней работе Базы.

За время своего существования База выросла количественно и, что особенно важно, повысился темп ее работ. База по самому своему су-

ществу — организация комплексная, и работа ее показывает, что комплексность стала действительно методом работы Базы. Впервые в текущем году База смогла взяться за выполнение столь сложного комплексного задания, как проведение Западно-Карельской экспедиции, в составе которой работает 34 отряда по самым разнообразным направлениям, но в то же время объединенных единством поставленной задачи и пониманием необходимости теснейшей взаимосвязи в работе. Сейчас совершенно ясно, что использование данных соседних отраслей науки помогает глубже проникнуть в познание природы и что взаимная помощь ускоряет правильное решение задачи. На практике работы отрядов мы видим, как гидрологи, гидробиологи и ихтиологи работают в самом тесном контакте, как исследователи почв Карелии используют данные геоморфологов и четвертичников и т. д.

Такая кооперация в работе со смежниками по науке обеспечивает успех исследований.

При многообразии направлений, по которым База ведет работы, научно-исследовательская тематика Базы целеустремленна. Основные силы и средства Базы направлены сейчас на решение крайне актуальной и важной для народного хозяйства Карелии задачи, а именно — на работу Западно-Карельской экспедиции. Но и в целом нетрудно видеть, что и теперь план работ Базы отражает указания, данные в свое время В. И. Лениным в декрете 1921 г. о комплексном использовании основных естественных богатств Карелии. И в настоящее время основное внимание Базы обращено на лес, воду и недра. Это те три кита, которым и должно быть уделено наибольшее внимание в научно-исследовательской работе Базы.

Пришло время обратить больше внимания на вопросы гидроэнергетики в секторе гидрологии и водного хозяйства, усилить материальную базу, необходимую для изучения пресных и морских водоемов республики, расширить работу по изучению лесов и лесозащиты.

Следует отметить самую тесную связь Базы с руководящими партийными и правительственными органами республики. Они помогают Базе своими указаниями, оказывают ей необходимую материальную помощь.

Со своей стороны База быстро и оперативно реагирует на все запросы народного хозяйства, направляя свою деятельность на разрешение насущных нужд края.

Необходимо при этом отметить, что База, как научный центр республики, должна обслуживать не только нужды сегодняшнего дня, но и работать на будущее, быть пионером в неизведанных областях, прокладывать новые пути, предвидеть заранее запросы, которые предъявит к науке молодая быстро растущая республика. Наука должна не только объяснять, но и предсказывать, и только тогда она является настоящей наукой. Она должна, используя весь практический опыт, неустанно двигаться вперед.

Чрезвычайно показательным является тот факт, что в настоящее время Карело-Финская База АН СССР является объединяющим центром, в котором концентрируются и направляются научно-исследовательские работы по изучению республики. В работах, организованных Базой, принимают участие не только научные и промышленные организации республики, как, например, Карело-Финский университет, ВНИОРХ, Министерство лесной промышленности, Министерство лесного хозяйства, Министерство рыбной промышленности и др., но также

учреждения Москвы и Ленинграда, работающие по тематическому плану Базы. Организованы крупные работы с привлечением десятков научных работников. База действительно является центром научной работы в республике и в то же время местом подготовки и роста научных работников.

Не только аспиранты Базы, но и все молодые сотрудники ее учатся на работе. Большая комплексная работа, проводимая Базой, является лучшей практической школой для научной молодежи.

Товарищи! Мы прекрасно знаем, что в нашей работе, несмотря на ряд успехов, имеются еще существенные недостатки, сказывающиеся отрицательно на работе Базы. Надо стремиться к тому, чтобы База установила связь не только с научными и промышленными организациями республики, но чтобы с нею были связаны и краеведы, и опытные станции, и агрономы,—словом, вся интеллигенция республики. Надо, чтобы всех тянуло к Базе, как к источнику знания, чтобы все знали, куда можно обратиться за советом, с кем можно поделиться своими достижениями и опытом.

Слаба еще наша материальная база, отсутствуют еще самые необходимые условия для многих экспериментальных исследований, мало аппаратуры, лабораторий, вспомогательных и научных работников и т.д.

Однако все эти недостатки являются временными, от нас зависит их ликвидация, и нет оснований сомневаться в том, что в ближайшее время мы их изживем. Порукой в этом быстрый рост Базы, помощь со стороны партийных и правительственных органов Карело-Финской республики и, самое главное, то, что мы живем и работаем в стране Советов, в стране победившего социализма, под руководством партии большевиков, под непобедимым знаменем Ленина—Сталина.

Проф. С. В. ГЕРД
Заслуженный деятель науки К-ФССР

КАРЕЛО-ФИНСКАЯ ССР И ЕЕ ПРИРОДНЫЕ БОГАТСТВА

В дни славного юбилея Карело-Финской ССР полезно окинуть общим взглядом всю нашу республику, отметить те своеобразные черты ее природы, которые отличают Карелию в семье братских союзных республик, вспомнить об ее естественных богатствах, впервые поставленных на службу народу.

Эти цели беглого географического очерка и преследует мой доклад, причем сжатое время заставляет быть предельно кратким и остановиться лишь на наиболее существенном.

Карело-Финская ССР представляет собою исключительно интересный край. Столь долго в дореволюционные годы обойденная вниманием исследователей, она за последнюю четверть века, благодаря интенсивной работе советских экспедиций, предстает перед нами как страна интереснейших научных проблем, как край неповторимый в своем своеобразии на громадных пространствах Союза, край обширных, почти не затронутых рукой человека природных ресурсов.

Академия наук СССР недавно приступила к очень нужной для нашего планового социалистического хозяйства работе по естественно-историческому районированию Советского Союза. Комиссия академика Струмилина выпустила в 1948 году 4 тома с интереснейшими картами геоморфологического, геоботанического, гидрологического районирования. Замечательно, что на любой из этих карт К-ФССР вместе с южной частью Кольского полуострова составляет отдельный, ясно очерченный район. Это одно говорит о своеобразии нашей республики в природном отношении.

Территория К-ФССР составляет 178,5 тыс. кв. км. По площади она занимает восьмое место среди 16 союзных республик и превосходит по размерам отдельные республики Закавказья или Прибалтики. Среди государств Европы Карелия превышает не только Швейцарию, Данию, но и такие страны, как Болгария, Чехословакия и др. Но по населению, которое перед Отечественной войной исчислялось в 469 тыс. чел., К-ФССР занимает последнее, 16-е место среди союзных республик, значительно уступая даже маленькой Эстонии.

Малочисленность населения на обширной и богатой природными

ресурсами территории — одна из острых проблем нашей экономики.

Не считая Российской Федерации, Карелия — самая северная из союзных республик — ее крайний север Куолярви — Тумча заходит за Полярный круг, наиболее южный Олонецкий район лежит почти на широте Ленинграда.

Значительная вытянутость с севера на юг — 790 км — при наибольшей ширине всего 460 км создает заметные различия в климатических условиях, флоре и фауне северных и южных районов республики.

К л и м а т республики, однако, не так суров, как можно думать. Смягчающее влияние морей Балтийского и Баренцова делает условия Южной Карелии довольно близкими к климату Ленинграда, и средняя годовая Петрозаводска (2,6) всего на 1 градус ниже чем в Ленинграде. В Северной Карелии, однако, нередки значительные похолодания вплоть до летних заморозков (в июле), опасных для сельского хозяйства.

Своеобразной особенностью климата Карелии является влияние больших водных масс озер и Белого моря, по берегам которых весна запаздывает, но осень стоит долгая и теплая.

Карело-Финская ССР лежит в зоне т. н. избыточного увлажнения и получает достаточное количество осадков — от 412 мм на севере до 525 мм на юго-западе. Высота снегового покрова 60—70 см защищает землю в зимние морозы. В Карелии не бывает значительных засух, нет в ней и вечной мерзлоты.

Р е л ь е ф Карелии равнинно-холмистый. Настолько не изучена была наша страна еще лет 40 назад, что я живо помню школьную карту Российской империи с хребтом «Олонецких гор» у границ Финляндии, по которой в начале века нас учили географии. Сейчас каждый школьник страны знает, что гор в Карелии нет, и высшие точки ее у озера Пяозеро на севере едва достигают 600 м.

Однако рельеф Карелии с его чередованием узких возвышенностей с понижениями, в которых лежат леса и болота или блестят зеркала длинных озер, настолько своеобразен, что вошел в учебники геоморфологии под названием «сельговый рельеф». Он является продуктом деятельности ледника в сочетании с системой изобразивших страну тектонических трещин.

Следы работы ледника встречаются на каждом шагу в нашей республике — каменные кряжи морен, песчаные насыпи озов, полированные бараньи лбы скал и бесчисленные валуны, усеивающие землю, которые карельский крестьянин издавна складывал в круглые кучи — «ровницы», очищая от них свои поля. Пожалуй, нигде в Союзе обе стороны деятельности ледника — эрозионная и аккумулятивная не сочетаются так классически наглядно, как в К-ФССР.

Карелию называют страной скал, озер и лесов. Что же представляют собою эти основные неизменные элементы ее ландшафта?

Г е о л о г и я говорит нам, что скалы Карело-Финской ССР это древнейшие в Советском Союзе гранитные и гнейсовые породы докембрия, подстилающие всю обширную Русскую платформу, а у нас на восточной окраине Балтийского щита выходящие на поверхность. По трещинам, прорезавшим этот щит, излились интрузии кислых пород и позднее габбро-диабазов. Скалы Карелии это та «самая старая земля», встряхнуть которую призывал нас Сергей Миронович Киров.

И с гордостью за нашу науку теперь можно сказать, что под руководством партии большевиков наши ученые Ферсман, Полканов, Тимофеев, Борисов и плеяда их молодых учеников достигли крупнейших

успехов в деле изучения геологии К-ФССР и ее минеральных богатств. Республика имеет громадные перспективы для развития горнорудного дела.

Несравненные по прочности диабазы, граниты, красивейший розовый шокшинский кварцит, мрамор Тивдии давно завоевали признание в строительном деле Союза. Проходя по ровным вымощенным диабазовой брусчаткой улицам Ленинграда, Москвы, в стройных гранитных колоннах Исаакия, в сверкающих мрамором залах подземных дворцов метро, в величавом монументе ленинского мавзолея мы видим карельский камень, вырубленный камнетесами нашей республики и сплавленный нашими водниками по озерам и рекам.

Общесоюзное значение имеют запасы полевого шпата на берегах Белого моря и в Приладожье, запасы слюды, кианита, серного колчедана.

Карелия — страна старинных горно-заводских традиций. Еще пять веков назад крестьянин Корелы черпаком с плота добывал озерную руду и плавил ее на нужды своего хозяйства в кустарных «лопских заводах». Два столетия назад гений Петра Первого заложил на берегах Кончезера и Онеги первые заводы для плавки чугуна. Большевики и ученые республики, вооружив исследователей наших недр новейшей техникой — авиацией и магнитометрией — заново открыли мощную рудную базу. Запасы богатых металлом руд позволяют предвидеть то близкое время, когда в ряд предприятий республики встанут современные, технически оснащенные заводы собственной карельской металлургии.

Такова наша «старая земля», в условиях социализма щедро раскрывающая свои ранее неведомые богатства.

Перехожу к основным элементам современного географического ландшафта республики, «страны озер и лесов».

Здесь мы встречаемся с тем замечательнейшим явлением, что на «самой старой» в Союзе земле мы имеем самый юный географический ландшафт.

Всего 6—8 тысяч лет назад на месте Карелии простирались мертвые пространства четвертичного ледника, какие сейчас покрывают только Гренландию и Антарктиду. В то время как весь почти Советский Союз уже был свободен от ледяного покрова, его мощная масса толщей в 1,5—2 км все еще медленно отступала по территории К-ФССР на северо-запад, освобождая впадины Балтики и Белого моря, Ладоги и Онеги, и холодное дыхание ледника омертвляло покрытые тундрой пространства карельской земли.

И воды, и растительность, и фауна Карелии — это самые молодые в своем развитии реки, озера, леса Союза; их история началась лишь в постледниковый период.

Поэтому так бурны и порожисты наши реки, напоминающие туристу шум горных потоков Кавказа или Алтая, хотя, повторяю, гор в Карелии нет. Наши реки не успели выработать свое ложе, их путь идет через такие водопады, как знаменитые «Кивач» и «Гирвас» на Красавице Суне, через пороги и «карешки», которых на одной реке Кемь многие десятки.

Перспективы хозяйственного использования наших рек огромны. Работами Григорьева, Малявкина и других ученых Карелии запасы водной энергии карельских рек исчисляются почти в 1,5 миллиона киловатт. Уже начата и будет широко разворачиваться и далее работа по

электрификации К-ФССР. Свыше 200 сельских колхозных электростанций примут энергию карельских рек к концу пятилетки и будут освещать самые глухие углы республики.

С весны до поздней осени реки Карелии служат целям лесосплава, связывая отдельные лесные массивы с лесными биржами, лесозаводами и перевалочными пунктами.

Карелия — «страна голубых озер». 41.700 озер насчитывается в К-ФССР, от малых лесных ламб до крупнейших озер Европы — Ладожского и Онежского.

Если 25 лет назад известный географ Юлий Михайлович Шокальский с горечью говорил, что Ладожское и Онежское озера изучены, несмотря на близость к столице, не более чем озера Центральной Африки, то за советские годы проделана трудами наших ученых-озероведов Верещагина и Молчанова, Предтеченского и Правдина большая работа, и теперь мы можем утверждать, что крупнейшие озера нашего Северо-Запада изучены лучше чем Великие озера Америки.

Как неотъемлемой частью ландшафта республики являются светлые зеркала озер, сверкающие в зеленой раме лесов, так и в ее хозяйстве водные массы озер мы встречаем в самых различных формах их использования. Их глубокие котловины — естественные водохранилища — обеспечивают равномерную годовую напряженность гидроэнергии рек. озера служат целям транспорта, лесосплава, рыбной промышленности.

Холодные и чистые воды озер и рек Карелии богаты ценнейшими породами лососевых рыб — семга, лососи, форели, сига Карелии отличаются высокими вкусовыми качествами, что связано со специфическим составом кормовых беспозвоночных, среди которых главную роль в глубоких озерах играют постледниковые реликтовые ракообразные, южнее нашей республики почти не сохранившиеся. Эта высшая по качеству рыбная продукция, несомненно, представляет интерес, далеко выходящий за рамки К-ФССР.

Страна лесов — «республика зеленого золота». Свыше 60% карельской земли покрыто вековыми лесами. Значение лесной промышленности К-ФССР-общеизвестно — ее лес идет на стройки Сталинграда и Киева, на крепеж шахт Донбасса. Свыше 12% бумаги дает Союзу древесина карельских лесов. Мы гордимся тем, что в шелесте листов Ц. О. «Правда» и десятков других газет и журналов Союза слышен шум елей Карелии.

По изучению лесов Карелии, особенно западных ее районов, предстоит еще большая работа, но и сделано уже немало. Еще в 30-х годах проведена широкая аэросъемка лесных площадей, наземными изыскательскими партиями установлен поствольный породный состав лесов, проведена их таксация.

На геоботанической карте Союза К-ФССР выделяется как крупнейший в его европейской части массив сосновых лесов. Это также, возможно, один из показателей географической юности нашей страны, в которой за короткий постледниковый период сосна еще не вытеснена другими породами.

Леса республики, в которых преобладают сосна и ель, представляют высокую хозяйственную ценность. По запасам древесины сосна занимает 58%, ель — 33%. Возможности для развития лесной промышленности К-ФССР очень велики. Леса Северной и Западной Карелии в большинстве своем спелые и перестойные, в возрасте 160—200 лет, что

позволяет увеличить их эксплуатацию без ущерба для будущего. Ежегодный естественный прирост — 16 млн. кубометров обеспечивает широкое развертывание лесной и бумажной промышленности в ближайшие годы.

Большой интерес для художественной обработки дерева представляет известная карельская береза, отдельные рощи которой учитываются и охраняются в Заонежье и других местах К-ФССР. Велики запасы зверя и дичи в лесах Карелии, дикорастущие лесные растения представляют ценные ресурсы столь нужных на севере витаминов.

Казалось бы, мертвым фондом республики лежат болота, покрывающие до 16% ее низинных участков, особенно в северных районах. Но и они должны быть поставлены на службу социализму. На юге в долине рек Свири и Важины мощные запасы торфа позволяют ставить на очередь создание торфобрикетной промышленности. В других районах республики дренаж болот должен превратить многие из них в луга, которые сильно увеличат столь нужную Карелии базу животноводства. Нам нужно, по примеру Белоруссии, начать широкое наступление на болотные массивы республики.

Осушение болот позволит расширить и культурные земли, еще выше поднять уровень сельского хозяйства Карелии. В нашей стране, где агрономия опирается на труды Мичурина, Вильямса, Лысенко и Эйхфельда, северный климат и подзолисто-болотные почвы не представляют преграды для многих, даже южных культур. Это служит залогом того, что в Карелии будут свои помидоры, яблоки, и пшеница продвинется далеко на север на наших колхозных полях.

Таковы самые общие географические контуры Карело-Финской республики и ее природных богатств.

Великая сила советского строя оживила наш край, глухой и заброшенный ранее север щедро раскрыл свои неисчислимые природные богатства, как только к ним прикоснулся настоящий хозяин — советский трудовой человек — строитель социализма.

Значительны и успехи научного изучения Карелии, достигнутые за 25 лет существования республики.

Природа Карелии ставит перед нами сотни увлекательнейших проблем высокого научного значения, а неизменная помощь партии и правительства создает наилучшие условия для развертывания научно-исследовательской деятельности.

Мы, научные работники Карело-Финской ССР, видим свой долг и счастье своей жизни в том, чтобы полнее изучить природные богатства нашей республики и поставить их полностью на службу народу.

Да здравствует карело-финский народ!

Да здравствует советская наука и ее величайший представитель, наш вожь великий Сталин!

В. И. МАШЕЗЕРСКИЙ

КАРЕЛО-ФИНСКИЙ НАРОД В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ И ОБРАЗОВАНИЕ КАРЕЛЬСКОЙ АССР

Двадцатипятилетие нашей республики — большое историческое событие в жизни карело-финского народа.

Столетиями над карельским народом тяготел жестокий национальный гнет.

Не раз карельские земли подвергались опустошительным вторжениям иноземных завоевателей.

Исторически сложившиеся экономические и культурные связи с русским народом, общие интересы и совместная борьба против внешних врагов и против эксплуататоров создали условия для прочного союза и дружбы между русским и карельским народами. Эта дружба привела к победе над многочисленными врагами, обеспечила карельскому народу свободу, независимость и процветание.

В сложной и трудной обстановке первых лет существования советской республики, в жестокой борьбе с врагами зарождалась государственность карельского народа.

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила народы России от векового национального гнета и эксплуатации.

Сразу же после победы Октябрьской революции «В декларации прав народов России», опубликованной за подписями В. И. Ленина и И. В. Сталина, советское правительство провозгласило: равенство и суверенность народов России, право народов России на свободное самоопределение, отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

«...Октябрьская революция одним ударом разорвала цепи национального угнетения, перевернула старые отношения между народами, подорвала старую национальную вражду, расчистила почву для сотрудничества народов и завоевала русскому пролетариату доверие его инонациональных братьев не только в России, но и в Европе и в Азии».¹

¹ И. В. Сталин. Сочинения, том V, стр. 185.

Революционные мероприятия советского правительства и его ленинско-сталинская национальная политика обеспечили активную поддержку советской власти со стороны широких масс ранее угнетенных народов России, в том числе и карельского народа.

«Мир, аграрный переворот и свобода национальностей — таковы три основных момента, — писал товарищ Сталин в статье «Октябрьская революция и национальная политика русских коммунистов», — собравшие вокруг красного знамени русского пролетариата крестьян более чем двадцати национальностей необъятной России».¹

В этой поддержке многомиллионным крестьянством русского пролетариата, поднявшего знамя революции, заключалась великая сила и непобедимость Октябрьской революции. На всей обширной территории страны, несмотря на бешеное сопротивление помещиков, капиталистов, кулаков, различных контрреволюционных организаций, в первые же месяцы после Октябрьской революции устанавливалась советская власть.

В. И. Ленин назвал этот первый период в истории Советского государства от октября 1917 г. до февраля 1918 г. «триумфальным шествием Советской власти». «С октября наша революция, — говорил В. И. Ленин, — отдавшая власть в руки революционного пролетариата, установившая его диктатуру, обеспечившая ему поддержку громадного большинства пролетариата и беднейшего крестьянства, с октября наша революция шла победным, триумфальным шествием».²

Победное шествие советской власти захватило и Карелию. 4 января 1918 г. пролетариат Петрозаводска, под руководством большевистской организации, сверг власть меньшевистско-эсеровского контрреволюционного блока и установил советскую власть.

Это смелое и решительное выступление рабочих Петрозаводска было поддержано беднейшим крестьянством губернии.

1 февраля 1918 года III Олонецкий губернский съезд крестьянских депутатов постановил: «Вся власть в центре и на местах принадлежит Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов».

Советы устанавливались в самых отдаленных и глухих карельских волостях и селах.

С победой советской власти в крае впервые в многовековой истории карельского народа создались необходимые условия для его свободного и всестороннего развития, для глубокого и коренного преобразования всей жизни трудящихся, так как впервые через Советы к строительству экономической, культурной и государственной жизни края были призваны широкие слои трудящихся.

Однако начавшаяся вскоре интервенция и гражданская война не позволила трудящимся Карелии немедленно воспользоваться плодами революции и приступить к социалистическому строительству. Большая часть территории Карелии в 1918—1920 годах оказалась оккупированной белофиннами и англо-американскими интервентами.

Реакционные круги Финляндии, спекулируя на национальных чувствах карельского народа, обещая всевозможные материальные блага, пытались тогда склонить на свою сторону трудящихся Карелии и захватить ее. Они засылали в Карелию вооруженные банды, поднимали

¹ И. В. Сталин. Сочинения, том V, стр. 113.

² В. И. Ленин. Сочинения, том XXII, стр. 390.

кулацкие мятежи против советской власти, агитировали среди карельского населения за присоединение к Финляндии, инсценировали карельские съезды, состоявшие из кулаков и их последователей.

Пытались также заигрывать с карельским народом и англичане, вторгшиеся летом 1918 года в Советскую Карелию. Они лицемерно пропагандировали свое «бескорыстие» и высокие «освободительные» цели похода. Англичане не гнушались никакими средствами для осуществления своих корыстных империалистических целей. Они использовали голод, переживаемый карельским населением в 1918—1919 гг., обещая доставку продовольствия и других товаров и всячески склоняя карельское крестьянство к переходу на свою сторону.

Однако все эти попытки интервентов привлечь на свою сторону трудящихся карел потерпели неудачу.

Национальная политика коммунистической партии и советского правительства, последовательно осуществляемая в интересах широких трудящихся масс всех народов, населявших Россию, с одной стороны, и нависшая над ними опасность восстановления власти помещиков и капиталистов, а вместе с тем, и опасность возврата национального гнета в случае победы интервентов и русских белогвардейцев, с другой стороны, создали прочную основу для союза народов России в их общей борьбе с многочисленными врагами в годы гражданской войны и интервенции.

Карельский народ, как и другие народы Советской республики, решительно и единодушно выступил на борьбу против интервентов. В карельских волостях и селах создавались партизанские отряды. Вместе с Красной Армией они громили интервентов, освобождая от них родную карельскую землю. В истории гражданской войны в Карелии хорошо известны партизанские отряды: Видлицкий, Олонецкий, Повенецкий, Кестеньгский, Ругозерский, Ухтинский и др. Славны их подвиги! Карельский народ свято хранит память о видлицких коммунарах во главе с их организатором тов. Розенштейном, мужественно отдавших свои жизни в неравном бою с белофинскими захватчиками при обороне Видлицы 23 апреля 1919 года. Вместе с частями Красной Армии жестоко бил врага под Юргелицами, Мегрегой и в других пунктах Олонецкий отряд под командованием местного карела коммуниста, уездного военного комиссара Ф. Егорова. Ядром этого отряда была Олонецкая организация большевиков. Самоотверженно сражались против интервентов в районе Кеми, в Заонежье, в Пудожском уезде отряды рабочих Онежского завода, железнодорожников, рабочих лесопильных заводов Поморья, Вытегорский коммунистический отряд и др. Большевики Петрозаводска вместе с руководящими работниками Губкома Игошкиным, Оскаром Кантером, Кулагиным и др. самоотверженно сражались в Заонежье, на восточном берегу Онежского озера, на подступах к Петрозаводску. В боях под Олонцом и Петрозаводском, в блестяще проведенной Видлицкой операции, в бою под Лижмой противнику были нанесены сокрушительные удары.

Исключительное значение в разгроме белофинской авантюры в Южной Карелии летом 1919 года имела победа Красной Армии под Видлицей. Смелой десантной операцией, с участием судов Онежской флотилии и частей 1-й стрелковой дивизии, 27 июня 1919 года в пограничном тогда карельском селе Видлицы, на побережье Ладожского

озера, были разгромлены штаб и база всего белофинского фронта на юге Карелии.

Товарищ Сталин, руководивший тогда обороной Петрограда, телеграфировал Владимиру Ильичу Ленину: «Сегодня наши части при поддержке нашего Ладожского флота внезапным ударом овладели Видлицким заводом у границы Финляндии, захватили 11 орудий, богатые артиллерийские и продовольственные склады. Взяты снаряды, патроны, пулеметы подсчитываются. Наше наступление под Питером продолжится...»¹

В телеграмме на имя начальника 1-й стрелковой дивизии товарищ Сталин писал:

«Горячо приветствуем самоотверженную команду, героев красноармейцев и славных моряков, разгромивших гнездо врагов России у Видлицы. Уверены, что Рабоче-Крестьянская Россия оценит Ваш доблестный подвиг. Мы ждем от Вас таких же побед на Петрозаводском участке».²

Этот призыв товарища Сталина был выполнен частями героической Красной Армии и трудящимися Петрозаводска.

Когда в конце июня 1919 года одной из белофинских колонн удалось прорваться к Петрозаводску, на защиту родного города вместе с Красной Армией, по призыву Губкома партии и Губревкома, поднялось все его трудовое население.

Делом обороны города руководил Губревком во главе с энергичным и смелым большевиком-подпольщиком, выдающимся организатором советской власти в крае, любимцем трудящихся — Петром Федоровичем Анохиным.

И враг натолкнулся на крепкую и слаженную оборону, на непоколебимую стойкость защитников города.

Понеся тяжелые потери в кровопролитном бою на Сулажгорских высотах, белофинны были отброшены от Петрозаводска.

Всем делом строительства советской власти в крае, борьбой против интервентов и белогвардейцев руководила немногочисленная тогда в губернии большевистская организация. Коммунисты возглавляли Советы, комитеты бедноты, составляли ядро красногвардейских и партизанских отрядов. В наиболее напряженные моменты местные партийные организации целиком мобилизовывались и уходили на фронт.

Весной 1920 года благодаря самоотверженной помощи русского народа и Красной Армии Северный фронт был ликвидирован, и враг был изгнан из пределов Карелии.

Несмотря на полный провал своих военных авантур, Финляндия продолжала добиваться осуществления своих целей иным путем.

В апреле 1920 года делегация от так называемого областного съезда карел, созванного по указке финского правительства в Ухте весной 1920 года и претендовавшего на выражение мнения всего карельского народа, подала заявление представителю Наркоминдела Советской республики по переговорам о перемирии с Финляндией с требованием объявления Карелии «нейтральной и самостоятельной страной», что

¹ «Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—1922 гг.». Сборник документов. Госиздат К-ФССР, 1944, стр. 110.

² Там же, стр. 111.

фактически означало бы не что иное, как отторжение Карелии от Советской республики и свержение в крае советской власти.

Известие об этих новых захватнических планах финских капиталистов с негодованием было встречено карельским народом.

«Мы, граждане Ведлозерской волости,— читаем в постановлении собрания крестьян Ведлозерской волости,— шлем такой делегации проклятых белофиннов свое заявление, что не только Красная Карелия, в частности мы, не желает отделяться от Советской России, но готовы как один, встать с винтовкой в руках в случае, если проклятые белофинны вздумают, как и прошлой весной притти к нам, и намерены защищать до последней капли крови свою рабоче-крестьянскую власть и землю от белофинско-кулацкой лапы. Вы не сумеете при помощи подлогов забрать нас в свои руки и подорвать доверие к Красной Карелии нашего пролетарского вождя товарища Ленина». Крестьяне деревни Ондозеро, Ругозерской волости на общем собрании постановили: «Подпасть под власть и влияние белой Финляндии ни в коем случае не соглашаемся, просим центральную Советскую власть защитить нас от могущих быть со стороны Финляндии нападков на нас».¹

В этих и многих других постановлениях, в бесхитростных, простых, искренних и горячих словах ярко выражены гнев карельского народа к белофинским захватчикам, причинившим столько горя и страданий трудящимся Карелии в годы гражданской войны, твердое решение карельского народа до конца бороться против притязаний капиталистов Финляндии на Карелию, любовь и преданность к Советской России.

Олонецкий уездный Исполнительный Комитет, основываясь на многочисленных постановлениях общих собраний карельских крестьян, от имени сорокатысячного крестьянского населения Олонецкого уезда 28 апреля 1920 года постановил: «Поручить президиуму телеграфно протестовать перед Комиссариатом Иностранных Дел против ложного заявления уполномоченных, якобы, от областного съезда карел, о желании Карелии быть нейтральной и самостоятельной страной, указать, что делегатов от Олонецких карел на областном съезде не только не участвовало, но и население уезда ничего о нем не слышало, подтвердить постановления семи очередных съездов Советов о твердом решении карел Олонецкого уезда находиться в Советской Республике».²

Исполком избрал организационное бюро по созыву съезда карел, которому поручил немедленно снестись с Губернским революционным исполкомом и договориться о сроке и порядке созыва съезда. Началась подготовка к Всекарельскому Учредительному съезду. В карельских деревнях выбирали делегатов и утверждали указы им на съезд. В этих наказах трудящиеся Карелии ясно и определенно выразили свою волю, поручая делегации защищать единство и неразрывную связь с трудящимися РСФСР и решительно протестовать против домогательств со стороны Финляндии на территорию Карелии.

Идя навстречу желаниям карельского народа и руководствуясь ленинско-сталинской национальной политикой полного равноправия и дружбы между народами, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет 7 июня 1920 года утвердил декрет об образовании в составе

¹ «Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—1922 гг.». Сборник документов, стр. 86, 90.

² Там же, стр. 81—82.

РСФСР Карельской Автономной области — Карельской Трудовой Коммуны.

Декрет гласил:

«В целях борьбы за социальное освобождение трудящихся Карелии Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

«Образовать в населенных карелами местностях Олонецкой и Архангельской губерний, в порядке статьи 11-й Конституции РСФСР областное объединение — Карельскую Трудовую Коммуну».¹

Декрет ВЦИК положил начало государственности карельского народа.

1 июля 1920 года в Петрозаводске собрался Всекарельский Учредительный съезд. На съезд прибыло 149 делегатов, выражавших волю 105 тысяч карел Олонецкой и Архангельской губерний.

Съезд горячо приветствовал советское правительство и декрет об образовании Карельской Трудовой Коммуны. В единогласно принятой резолюции говорилось: «Съезд заявляет торжественно от имени трудящихся Олонецкой и Архангельской Карелии, перед лицом трудящихся масс России, Финляндии и всего мира, перед лицом Финляндского государства и государств всего капиталистического мира, что трудящееся население Карелии не желает разрывать своих отношений с Советской Россией и совершенно не думает о присоединении к белой Финляндии. Карельский народ считает себя свободным на территории Советской России и не желает присоединяться ни к Финляндии, ни к какому иному государству и подчиняться капиталистическому рабству... Съезд приветствует постановление Всероссийского Исполнительного Комитета, на основании которого образовывается из областей Олонецкой и Архангельской губерний — Карельская Трудовая Коммуна. Коммуна должна оставаться в нераздельной связи с Советской Россией и развивать свое хозяйство и свою культуру в тесном содружестве с рабоче-крестьянскими массами России, сохраняя советский политический образ правления...»²

В трудной обстановке приходилось вести работу советским органам молодой автономной области.

Между РСФСР и Финляндией в это время шли мирные переговоры в Эстонии, в городе Юрьеве (теперь Тарту). Финское правительство стремилось использовать переговоры для отторжения Карелии от Советской республики. Финские газеты печатали клеветнические статьи о насилиях и зверствах якобы совершаемых над карелами. Представители марионеточного «восточно-карельского правительства», созданного по указке Финляндии на кулацком карельском съезде в 1920 г., выехали в Юрьев и пытались там на мирной конференции выступить от имени карельского народа.

Край после интервенции был разорен. Нехватало хлеба. Население, в особенности в отдельных карельских волостях, голодало. Резко сократились посевные площади. По Олонецкому уезду, например, подвергнутому вторжению белофиннов, посевная площадь сократилась от 25 до 40%. Резко уменьшилось количество лошадей и другого скота.

¹ Красная Карелия. Сборник материалов официального характера, относящихся к истории Карелии со времени образования КТК до преобразования ее в АССР. Изд. Наркомюста АКСР, Петрозаводск, 1925, стр. 8.

² «Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—1922 гг.» Сборник документов, стр. 96—97.

Из 12.000 лошадей, насчитывавшихся в Олонецком уезде в 1914 году, едва осталось 3.000. Лесопильные заводы стояли. Во многих волостях и селах Северной Карелии, расположенных на границе с Финляндией и освобожденных от интервентов, только что создавались советские органы власти, а в двух карельских волостях — Поросозерской и Ребольской — продолжали хозяйничать белофинны.

Карельский ревком, созданный на основании декрета об образовании Карельской Трудовой Коммуны и пополненный на Карельском Учредительном съезде, энергично приступил к организации автономной области. Первый год существования Коммуны был, главным образом, периодом кипучей организационной работы. Были установлены границы области. На местах создавались советские органы власти. В составе ревкома организовывались отделы, ведавшие отдельными областями работы в Коммуне. По уездам, волостям и селам созывались съезды Советов и избирались Советы. В это время удалось пустить в ход некоторые лесопильные заводы. Работала спичечная фабрика в Петрозаводске. Начался, хотя и в небольшом количестве, завоз в область лошадей. Выполняя государственное задание, Карелия к февралю 1921 года при всех трудностях заготовила 259.222 куб. м. леса.

Всем сложным делом организации автономной области руководила немногочисленная, но закалившаяся в борьбе с врагами в годы гражданской войны большевистская организация.

После ряда мобилизаций на фронты в годы гражданской войны карельская партийная организация в октябре 1920 г. насчитывала 1.320 членов партии и 439 кандидатов. На всю волость иногда имелось только 3—5 членов партии. Но партийные ячейки опирались на активную помощь рабочих и бедноты. Коммунисты возглавляли Советы, руководили восстановлением хозяйства края, вели широкую агитационно-просветительную работу.

Первые успехи Карельской Трудовой Коммуны, достигнутые ею благодаря постоянной помощи Российской Федерации, были горячо поддержаны Советским правительством. 22 сентября 1920 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет обратился к карельскому народу с воззванием. «Правительство Советской России, — говорилось в воззвании, — с радостью приветствует вновь народившуюся Карельскую Трудовую Коммуну, вступающую в семью трудовых советских республик, и оно проникнуто глубокой уверенностью в том, что Карельская Коммуна будет развиваться и процветать, как борец за власть рабочего класса на отдаленной северо-западной окраине Федеративной Советской республики. Правительство Советской республики дает Коммуне обещание, что оно будет всемерно поддерживать ее и защищать её в её работе, признавая последнюю неделимой важной ступенью в великой задаче по устройству всемирного советского строя».¹

12 февраля 1921 года в Петрозаводске собрался I Всекарельский съезд Советов. На съезд съехались представители из всех уездов области. Съезд заслушал отчеты ревкома и его отделов, доклады

¹ Красная Карелия. Сборник материалов официального характера, относящихся к истории Карелии, стр. 20—21.

с мест и другие вопросы. Делегаты тепло встретили выступление прибывшего на съезд О. В. Куусинена.

В своей речи тов. Куусинен рассказал о положении рабочего класса в Финляндии и его борьбе против буржуазии. Он призывал делегатов съезда учиться у русского народа, так как «русские являются учителями коммунистического строительства».

Особенно много внимания съезд уделил организационным мероприятиям. На съезде была принята подробная резолюция, в которой определялась организационная структура советских органов власти, их состав и задачи Карельской Трудовой Коммуны. Согласно решению, Всекарельский съезд, как высший орган власти в области, должен был созываться 2 раза в год — на зимнюю и осеннюю сессии и заслушивать отчеты Карельского областного комитета и его отделов, бюджет области и народнохозяйственный план.

Задачей Карельской Трудовой Коммуны, по определению съезда, должно было «являться поднятие населения Карелии, как карельского, так и русского, к единодушной и усердной работе для укрепления советской власти на северо-западной окраине РСФСР и создания из населения Карелии крепких и стойких борцов за освобождение рабочего класса и за мировую революцию».

Съездом были приняты также резолюции по отчетам отделов ревкома и избран Карельский Областной Исполнительный Комитет.

Сразу же после съезда Карельским Исполнительным Комитетом была выделена специальная комиссия для принятия от Финляндии двух оккупированных ею пограничных карельских волостей — Ребольской и Поросозерской, которые Финляндия обязана была очистить от своих войск согласно Юрьевскому мирному договору спустя 45 дней после его подписания, т. е. еще в декабре 1920 года. Но под разными предлогами финское правительство и белогвардейские элементы из местного населения затягивали передачу волостей в состав Карельской Коммуны.

В обеих волостях при поддержке финляндского правительства орудовали карельские купцы, кулаки и авантюристы. На средства кулацкого «Карельского союза», находившегося в Финляндии, в волостях содержались и вооружались отряды милиции.

В результате энергичных мер, предпринятых Карельским Областным Исполнительным Комитетом, после посылки в волости вооруженного отряда из состава 379 Петрозаводского стрелкового полка они были очищены от белофинских агентов и воссоединены с Карельской Трудовой Коммуной.

Жизнь в Коммуне постепенно восстанавливалась. Этому содействовало проведение новой экономической политики и большая помощь Карелии со стороны Центрального советского правительства.

26 апреля 1921 года Совет Труда и Оборона РСФСР, под председательством В. И. Ленина, принял специальное постановление по вопросу о восстановлении народного хозяйства Карелии, имеющее историческое значение в развитии края.

Это постановление СТО было смелой ленинской программой преобразования остального края на основе использования его неисчерпаемых естественных богатств — лесов, недр, вод.

Совет Труда и Оборона признал срочным постройку и оборудование бумажно-целлюлозной фабрики и центральной электрической станции в Кондопоге, усиление заготовок и вывоза из Карелии леса, разведку

и проектирование заводов по использованию минеральных богатств Карелии.

Карельским Исполнительным Комитетом были приняты меры к предотвращению голода, угрожавшего населению области, в связи с разрухой, вызванной хозяйничанием интервентов.

Правительство Российской Федерации не имело тогда возможности оказать Карелии серьезной помощи продовольствием, так как продовольственные ресурсы республики были недостаточны, а хлебородные земли Поволжья в 1921 году были охвачены засухой. Но советское правительство разрешило Карелии организовать закупки хлеба и другого продовольствия за границей, отпустив для этой цели Карельскому Исполкому 500 тысяч рублей золотом. Летом 1921 года для голодающего населения Коммуны были закуплены за границей хлеб и продовольствие.

Серьезное внимание было обращено на восстановление сельского хозяйства Карелии. Своевременное снабжение крестьян семенами позволило в 1921 году значительно расширить посевные площади. По Олонецкому уезду, например, посевная площадь достигла почти довоенного уровня. Осенью 1921 года в области было собрано 1 млн. 400 тыс. пудов зерна, против 900 тыс. пудов, собранных в 1920 году.

Восстанавливалась лесная промышленность. От продажи леса за границу было выручено 800.000 рублей золотом. За лесозаготовительный сезон Карельским лесным комитетом было заготовлено 768.638 куб. м леса.

Значительно выросло число школ и других культурно-просветительных учреждений. В карельских деревнях было создано 44 национальных школы.

Между тем со стороны Финляндии не прекращались пограничные инциденты и провокации. Зимой 1921 года в одном из пунктов в пограничной полосе на территории Карельской Трудовой Коммуны был вырублен лес и увезен в Финляндию, а комиссия, приехавшая на место для расследования, была обстреляна с финляндской стороны. Местное население неоднократно жаловалось в Карельский Исполком на случаи угона скота в Финляндию. Белофинскими агентами велась усиленная тайная вербовка лиц в карельских волостях в повстанческие банды. К осени 1921 года положение в карельских пограничных волостях чрезвычайно обострилось. Делегат от Кемского уезда на II Всекарельском съезде Советов сообщал, что в западные карельские волости Кемского уезда в числе беженцев, возвращавшихся из Финляндии, прибыли по поручению «Карельского союза» из Финляндии кулаки для подрывной работы и подготовки мятежа против советской власти.

Белофинские агенты терроризовали бедноту, советских работников, проникали в советские органы и разлагали их. О провокациях на финской границе сообщил также съезду и делегат от Олонецкого уезда.

2 октября 1921 года в Петрозаводске собрался Всекарельский съезд Советов. Почетными членами Президиума съезда были избраны: В. И. Ленин, И. В. Сталин, М. И. Калинин. С приветствием от ЦК финской компартии на съезде выступил тов. Тайми. В своей речи он отметил, «что все симпатии финских трудящихся на стороне Красной Карелии», что «финляндские трудящиеся полны любви и внимания к русским трудящимся, и при известии о несчастии в Поволжье тотчас же организовали у себя общество помощи», что «финляндские трудящиеся стремятся к единению с российскими и сильно заинтересованы

в их благополучии, особенно интересуют их успехи в строительстве соседней Карельской Коммуны».¹

В отчетах Карельского Исполкома и его отделов, в докладах с мест были подведены итоги более чем годового развития Карельской Трудовой Коммуны. В резолюциях, принятых съездом, были намечены дальнейшие пути укрепления и развития Карелии. Съезд утвердил в качестве избирательного закона для выборов делегатов на Всекарельский съезд Советов «Положение о Всекарельском съезде Советов».

Особое внимание съезд уделил разоблачению новых притязаний Финляндии на Карелию. 26 августа 1921 года, незадолго до II Всекарельского съезда Советов министр иностранных дел финского правительства Холсти направил советскому правительству ноту и меморандум, в которых он, извращая действительность, пытался обвинить советское правительство в нарушении статей Юрьевского мирного договора об автономии Восточной Карелии. Эта попытка дипломатического давления на советское правительство для решения карельского вопроса в удобном для капиталистов Финляндии духе, встретила решительный отпор советского правительства и карельского народа.

II Всекарельский съезд Советов заслушал специальный доклад о ноте финского правительства по вопросу о Карелии. В докладе и выступлениях делегатов были разоблачены истинные захватнические замыслы финской реакции. В резолюции и в ответном меморандуме съезд категорически отверг пункт за пунктом притязания финского правительства, разоблачив их на основе действительных фактов свободного и полноправного существования и развития Карельской Трудовой Коммуны. Съезд расценил очередную попытку финского правительства навязать свою волю карельскому народу, как грубое вмешательство во внутренние дела Карелии. В резолюции съезда отмечалось:

«Будучи полноправным представительством всего трудового населения Карелии, входящей ныне в Российскую Социалистическую Федерацию, съезд принципиально отвергает право вмешательства буржуазной Финляндии во внутренние дела карельского народа. Установленную декретом ЕЦИК от 7 июня 1920 года автономии Карельской Трудовой Коммуны с предоставлением Карелии возможностей экономического, политического и культурного самоопределения, съезд считает следствием необходимой принципиальной политики советской власти в национальном вопросе, отнюдь не дарованной РСФСР Карелии под давлением буржуазной дипломатии Гельсингфорса».²

В дипломатических актах Финляндии, под флагом защиты интересов карельского народа, съезд правильно усмотрел выступление финской реакции, ничего общего не имеющей с братским финским народом. Разоблачая происки финской реакции, съезд вместе с тем обратился с приветствием к финскому рабочему классу, призывая его ударить по рукам финской буржуазии, «тянущейся жадно к автономной Трудовой Карельской Коммуне».

В ближайшее же время действительность показала, в чьих интересах в Финляндии предпринимались эти дипломатические шаги. Почти сразу после съезда финская буржуазия, опираясь на кулачество, организовала новую авантюру против трудящихся Карелии. Вооруженные

¹ Бюллетень II Всекарельского Съезда Советов, № 1, стр. 3.

² Красная Карелия. Сборник материалов официального характера, относящихся к истории Карелии, стр. 30.

банды вторглись в пределы карельских волостей, чиня убийства, грабежи и насилия. Борьба с бандитизмом в карельских волостях в 1921—1922 гг. развернулась в трудных условиях карельской зимы.

На ликвидацию новой белофинской авантюры Карельская партийная организация мобилизовала 526 человек — около половины численности всей партийной организации. Коммунисты направлялись на фронт, в прифронтовые ревкомы для организации помощи фронту, организации охраны тыла и т. д. Они организовывали в деревнях партизанские и лыжные отряды и руководили их боевыми действиями.

В боях с белофинскими бандитами выдающимися подвигами прославил себя отряд лыжников финнов Интернациональной военной школы под командованием героя карело-финского народа Тойво Антикайнена.

Отряд лыжников совершил блестящий рейд в глубокий тыл занятой белофиннами территории и разгромил штаб врага в селе Кимасозеро. Усилиями Красной Армии и партизанских отрядов в марте 1922 года белофинская авантюра была ликвидирована.

Бандитизмом был причинен огромный ущерб Карельской Трудовой Коммуне. По предварительным подсчетам Карельского Исполкома он составлял 1 млн. 300 тыс. довоенных рублей.

Советское правительство оказало широкую помощь по восстановлению хозяйства районов Карелии, пострадавших от бандитизма. В мае 1922 года по просьбе Карельского ревкома Совет Народных Комиссаров ассигновал для этой цели 500 миллионов рублей, дополнительно были также отпущены средства на приобретение скота.

В марте 1922 года в Петрозаводске собралась 1-я Карельская Областная партийная конференция. Партийная организация к этому времени насчитывала всего 812 человек. Основное внимание конференции было обращено на разработку мер по ликвидации последствий бандитизма и на разрешение национального вопроса. Коммунисты направлялись в пострадавшие от бандитизма волости для укрепления советской власти и оказания помощи по ликвидации последствий бандитизма.

Кончилась гражданская война и интервенция. Советская республика была очищена от белогвардейских и иноземных войск. В развитии Советского государства начался новый период.

Перед страной во всем объеме встали теперь задачи хозяйственного и культурного строительства.

Отсталую, нищую, разоренную войной страну надо было в короткий срок возродить к жизни, превратить ее во всех отношениях в передовую, могучую социалистическую державу.

Разрешение этой трудной исторической задачи требовало и дальнейшего развития форм сотрудничества между многочисленными народами Советского государства.

«Чтобы разбить и ликвидировать разруху, — учил товарищ Сталин, — необходимо сложить силы всех Советских республик, необходимо все финансовые и экономические возможности республик бросить на дело восстановления основных отраслей нашей промышленности. Отсюда необходимость объединения Советских республик в одно союзное государство».¹

Начало этому объединению было положено в декабре 1922 года на Первом съезде Советов СССР. С докладом об обра-

¹ И. В. Сталин. Сочинения, том V, стр. 157.

зовании СССР на съезде выступил товарищ Сталин. По его предложению съезд принял «Декларацию об образовании Союза Советских Социалистических Республик» и «Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик», заключенный между четырьмя вошедшими тогда в состав СССР союзными республиками: РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР.

В новой обстановке экономического и культурного строительства важнейшее значение приобрел вопрос ликвидации фактической отсталости народов, населивших обширное государство.

Быстрое и всестороннее развитие Советского государства, основанного на полном равноправии и добровольности входящих в него народов, могло быть осуществлено только при активном, творческом участии в экономическом, культурном и государственном строительстве всех населявших его народов.

Одно из труднейших препятствий, стоявших на этом пути перед Советским Союзом, была вековая отсталость народов, угнетавшихся до революции самодержавием, помещиками и капиталистами.

Еще на X съезде РКП(б) в «Докладе об очередных задачах партии в национальном вопросе» товарищем Сталиным со всей остротой была поставлена задача ликвидации отсталости народов, доставшейся советской власти от царизма.

«Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, — говорил товарищ Сталин, — чтобы уничтожить ту фактическую отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях».¹

Национальная политика советского правительства и партии была всецело направлена на быстрейшую ликвидацию этой фактической отсталости, на всестороннее развитие всех творческих народных сил многонационального государства. И эта политика дала прекрасные плоды.

В обстановке укрепления Советского государства шло и дальнейшее развитие Карельской Автономной Области.

Со свойственной большевикам энергией и настойчивостью партийная организация Карелии возглавила борьбу трудящихся за восстановление разрушенного войной и интервентами хозяйства края и преобразование его на социалистических основах.

Результаты не замедлили сказаться.

Несмотря на то, что бандитизмом была охвачена значительная часть Карелии, развитие Карельской Трудовой Коммуны, благодаря постоянной помощи и поддержке советского правительства, шло твердо и неуклонно вперед.

Так, в 1922—23 гг. заготовка леса достигла 1 миллиона 400 тысяч куб.метров. В области работали все лесозаводы. Приступлено было к ремонту дорог. Началось строительство бумажной фабрики в Кондопоге. Много сил и средств направлялось на развитие культуры. В 1923 году в Карелии работало 326 школ, 76 различных профессиональных учебных заведений, много изб-читален и библиотек. Территория автономной области была расширена. Декретом ВЦИК 18 сентября 1922 года упразднялась Олонецкая губерния, при этом Повенец-

¹ И. В. Сталин. Сочинения, том V, стр. 39.

кий и часть Пудожского уезда передавались Карельской Трудовой Коммуне, а 30 апреля 1923 года по декрету ВЦИК в состав Коммуны вошли 5 волостей Онежского уезда, Архангельской губернии.

Эти успехи в развитии автономной области, подтвердив ее жизнеспособность, позволили перейти к дальнейшим мероприятиям по развитию государственности карельского народа.

25 июля 1923 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров РСФСР принял исторический декрет о преобразовании Карельской Трудовой Коммуны в Автономную Карельскую Советскую Социалистическую Республику.

Республике была предоставлена Конституцией РСФСР широкая автономия в области экономического и культурного строительства. Согласно декрету, на основании Конституции РСФСР и постановления II Всекарельского съезда Советов, государственный аппарат власти в Карельской республике организовался из местных Советов и их съездов и Исполнительных Комитетов, Совета Народных Комиссаров и Центрального Исполнительного Комитета.

Для управления делами Автономной Карельской Республики учреждались 9 народных Комиссариатов, которые несли ответственность за свою деятельность перед Карельским Центральным Исполнительным Комитетом, Советом Народных Комиссаров и Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом.

Это новое проявление заботы партии и советской власти о развитии карельского народа было торжественно отмечено IV Всекарельским съездом Советов 10 октября 1923 года и ликованием всего карельского народа. Съезд на своем первом заседании заслушал доклад о преобразовании Карельской Трудовой Коммуны в Карельскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. В адрес съезда поступили многочисленные телеграммы и приветствия от правительства Союза ССР, от пролетариев Петрограда, от трудящихся Карелии, от финской компартии и других организаций с поздравлениями в связи с образованием Карельской Автономной Советской Социалистической Республики. Торжество было отмечено парадом войск Петрозаводского гарнизона.

В приветственной телеграмме съезда В. И. Ленину говорилось:

«Трудящиеся Карелии в лице IV Всекарельского съезда Советов, почетным членом президиума коего Вы избраны, празднует сегодня преобразование КТК в АКССР, горячо приветствуют своего вождя и шлют пожелания скорейшего выздоровления».¹

С тех пор прошло 25 лет. Это было время быстрого и всестороннего развития ранее отсталого края. Освобожденный революцией народ под руководством великой партии Ленина—Сталина и при постоянной поддержке и помощи русского народа преобразил край.

Ликвидирована вековая отсталость карельского народа, доставшаяся в наследство от царизма. Канул в прошлое край глухой Олонки с нищенствующей и вымирающей беднотой, с произволом царских чиновников, с засилием кулаков, купцов и лесопромышленников.

Карелия стала полноправной Советской Социалистической Республикой. Она, как и все республики, входящие в состав Советского Союза, имеет современную крупную социалистическую промышленность, передовое социалистическое сельское хозяйство, школы, вузы, научные учреждения, театры, кино.

¹ Бюллетень IV Всекарельского Съезда Советов, № 1 от 10 октября 1923 г.

Представители народа, исполняя волю избирателей, управляют всеми государственными делами.

Эти успехи в развитии экономики, культуры и государственности карельского народа пришли не сами собой. Они были завоеваны карело-финским народом, руководимым коммунистической партией и гениальными учителями Лениным и Сталиным, в самоотверженном труде, в жестокой борьбе с многочисленными врагами — интервентами, кулаками, националистами. Основой успехов карельского народа в борьбе за свободу, независимость и расцвет края было установление и укрепление Советов, нового, советского государственного строя, постоянная братская помощь великого русского народа и других народов Советского Союза, мудрое руководство великой коммунистической партии и ее вождей В. И. Ленина и И. В. Сталина.

* * *

Во всемирно-известном карело-финском эпосе «Калевала» один из любимейших народных героев кузнец, «вековечный кователь» Ильмаринен выковал чудесную мельницу «Сампо», приносящую народу счастье и изобилие.

В образе «Сампо» художественный гений карело-финского народа с изумительной силой воплотил вековые стремления широких народных масс к счастливому будущему.

И вот это счастливое будущее пришло теперь к карело-финскому народу. Советская власть и коммунистическая партия разбудили в народе неисчерпаемые творческие силы, открыли перед ним широкие возможности воплощения своих чаяний в жизнь. Из темноты и нищеты карело-финский народ за годы советской власти поднялся к свободной, светлой и зажиточной жизни.

Впереди еще много трудностей, но под руководством коммунистической партии и товарища Сталина они будут преодолены.

Карело-финский народ уверен в своем еще более прекрасном будущем.

Проф. Д. В. БУБРИХ
Член-корреспондент Академии наук СССР

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ КАРЕЛЬСКОГО НАРОДА В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Одна из важных задач советской науки — разоблачение неправомерности притязаний зарубежной буржуазии на отдельные территории Советского Союза, в частности, притязаний финляндской буржуазии на Карелию. Работа по выполнению этой задачи, хотя и углубляется в селое прошлое, оказывается в полной мере актуальной.

По отношению к Карелии финляндская наука, обслуживая вождения финляндской буржуазии, утверждает следующее.

Вскоре после н. э. в юго-западной части Финляндии сформировалось два прибалтийско-финских племена: *Suomi* — у слияния Финского и Ботнического заливов и *Näme* — недалеко во внутренней части страны, у ближней группы крупных озер. С середины I тысячелетия выходцы из племени *Näme*, которое было довольно многочисленно, стали достигать западного побережья Ладожского озера. Уже в IX веке эти выходцы составили якобы отдельное новое племя *Karjala*. Оно расположилось в приладожской части Карельского перешейка и позднее распространилось якобы и во всех тех местах, где история застает карел. Карелы, где бы они ни обитали, представляют собою якобы прямое продолжение древнего племени *Karjala*. Получается так, что *Karjala* и карелы это плоть от плоти, кровь от крови западно-финляндского племени *Näme*.

С некоторых пор в пределах шведских владений, тогда охватывавших и Финляндию, началось формирование финского народа. В его состав вошли племена *Suomi* и *Näme*, а позже — две группы из племени *Karjala*. Хотя этническим ядром финского народа оказалось племя *Näme*, но свое имя финский народ получил от племени *Suomi*; последнее обитало около прежнего политического, экономического и культурного центра Финляндии — г. Турку (Або). Процесс формирования финского народа не мог распространиться за пределы шведских владений, на разбросанные за этими пределами группы *Karjala*. Эти-то неприобщившиеся к процессу формирования финского народа группы *Karjala* и представляют собою якобы современных карел. Получается так, что современные карелы — это просто недооформившиеся финны.

Роль России во всем этом обрисовывается в самом неблагоприятном свете. Это она ограничивает якобы рамки процесса формирования финского народа. Это она мешает якобы карелам влиться в состав финнов, куда им следует влиться в соответствии с общим ходом истории. Получается так, что Россия — это злая сила, стоящая на пути развития финнов и карел.

Политический вывод понятен: территории, где обитают карелы, и прежде всего т. н. Восточная Карелия, должны быть якобы отторгнуты от России в пользу Финляндии.

Вполне естественно поинтересоваться, как именно финляндская наука обосновывает свою точку зрения, столь благоприятную для политических видов финляндской буржуазии. Оказывается, данных для обоснования этой точки зрения меньше малого. Документально-исторические данные о *Karjala* начинаются очень поздно: отрывочные — с середины XII века, более полные — только с XV—XVI вв., так что на их основании этногенез карел непроследим. Археологические данные, добытые финляндской наукой, ограничиваются рамками Западной Карелии, не простираясь до тех мест, где мы находим карел. Языковые данные, добытые финляндской наукой до 1941 г. (для более позднего времени у нас нет сведений, кроме случайных), поражают своей скудностью. Высшим достижением в этом направлении до 1941 г. является книга Х. Ояису «Историческая фонетика карельско-олонецкой речи» (по-фински), где карельский язык представлен в самых общих, подчас неверных очертаниях, без углубления в диалекты. Изданные после Х. Ояису несколько статей и некоторое количество текстов отличаются бросающейся в глаза неточностью, хотя и претендуют на высшую степень научности.

Пока финноугроведение составляло монополию финляндской науки, разделяемую в некоторой мере с венгерской наукой, финляндской точке зрения в карело-финской проблеме ничто не могло быть противопоставлено. К моменту Великой Октябрьской социалистической революции финноугроведения у нас не оказалось.

Только после Октября у нас стало строиться финноугроведение. Как полновесная научная дисциплина оно выступило в 1925 г., когда в составе Ленинградского университета была учреждена кафедра финно-угорской филологии. Занятое прежде всего строительством новых финноугорских литературных языков, мордовских, марийских, удмуртского, коми и др., наше финноугроведение, однако, ни на миг не теряло из поля зрения проблем, связанных с положением СССР в окружении буржуазных государств. Большое внимание было уделено и карело-финской проблеме, имеющей исключительную внешнеполитическую заостренность.

Советскому финноугроведению предстояло не только вновь разобратся в фактическом материале, который уже существовал по карело-финской проблеме, но и собрать новый, более богатый, более точный, во всех отношениях более надежный материал и уже на нем строить свои заключения.

Особенно значительных новых документальных данных по карело-финской проблеме пока еще нет. Новые археологические данные касаются преимущественно очень древних эпох истории Карелии — эпох, которые лишь отчасти имеют отношение к карело-финской проблеме. Зато очень много новых лингвистических данных.

Еще Ф. Энгельс в своей замечательной работе «Франкский диалект» ясно показал, какое громадное значение в вопросах формирования народов имеют лингвистические данные «на корню» — данные сельских диалектов. Эти сельские диалекты раскрывают ясные картины связей и противостояний человеческих групп в разные эпохи, их передвижений, их сосредоточения около определенных экономических и культурных центров и т. д. Собранные в достаточной мере, диалектологические данные являются по отношению к позднейшим эпохам драгоценным восполнением исторических документов, а по отношению к древнейшим эпохам — путеводной нитью.

Диалектологическая работа по Карелии началась у нас в 1930 г., но до 1937 г. не могла развернуться. В 1937 году по обширной программе, содержащей около 2.000 вопросов, было обследовано с диалектологической стороны 150 карельских селений Карелии. К концу 1937 г. были уже готовы первые группы диалектологических карт. Работа продолжалась, с понятным перерывом в военные годы. В настоящее время изучено около 250 диалектологических точек. Диалектологическая точка приходится в среднем приблизительно на 400 человек, вместо тысяч, как это обычно практикуется в диалектологических работах. Финляндские данные по карельским диалектам до 1941 г. были беднее во много раз.

Изучение карельских диалектов уже несколько лет назад достигло уровня, когда количество лингвистической работы переходит в качество: собранные данные стали освещать не только историю языка, но и историю народа. Первые наши важные выступления в этом направлении состоялись на I-й всесоюзной научной конференции по вопросам финноугорской филологии (при Ленинградском государственном ордена Ленина университете 23 I—4 II 1947 г.). Уже вышла из печати наша брошюра «Происхождение карельского народа (Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере)», вызвавшая некоторые упреки, не имеющие отношения к карело-финской проблеме, и три наших статьи в I томе Советского финноугроведения, пока упреков не вызвавшие.

В свете новых данных карело-финская проблема выступает в совершенно новых очертаниях.

Карельский язык содержит три наречия: собственно-карельское (в Средней и Северной Карелии, а также в Калининских и соседних местах), ливвиковское (у восточного побережья Ладожского озера и дальше вглубь Олонецкого перешейка) и людиковское (узкой полосой вдоль восточного края ливвиковского наречия, недалеко от Онежского озера). Эти наречия разбиваются на диалекты, а те в свою очередь — на говоры. Ливвиковское и людиковское наречия относительно близки друг к другу, и оба резко противостоят собственно-карельскому. Это противостояние настолько значительно, что существенно затрудняет взаимопонимание. Замечательно, что ливвиковское и людиковское наречия ближе к вепсскому языку, распространенному южнее, чем к собственно-карельскому наречию.

Сейчас вряд ли целесообразно погружаться в специальные лингвистические выкладки, характеризующие отношения между тремя наречиями карельского языка и вепсским языком. Однако сделанные утверждения нельзя оставить совершенно голословными.

Есть только два фонетических признака, противопологающих все три наречия карельского языка, взятые вместе, вепсскому языку.

Первый признак: во всех трех наречиях карельского языка наследие древних долгих и кратких гласных различается, в то время как в вепсском языке их наследие, благодаря сокращению долгих гласных, совпало; впрочем, в шелтозерском диалекте вепсского языка еще живет различие долгих и кратких *и, у, i*. Второй признак: во всех трех наречиях карельского языка срединные гласные сохраняются хорошо, в то время как в вепсском языке они при определенных условиях выпадают; впрочем, в Михайловском диалекте людиковского наречия карельского языка мы находим то же, что в вепсском языке.

Далее, есть только один фонетический признак, противопоставляющий собственно-карельское и ливвиковское наречия людиковскому наречию и вепсскому языку. В собственно-карельском и ливвиковском наречиях сохраняется древнее чередование ступеней согласных, в то время как в людиковском наречии и в вепсском языке оно сошло со сцены, оставив только некоторые окаменелые следы.

По остальным фонетическим признакам собственно-карельское наречие противостоит ливвиковскому и людиковскому наречиям и вепсскому языку. Так, собственно-карельское наречие хорошо сохраняет конечное *а* (*ā*). (напр., *kala* «рыба», *madala* «низкий», *randa* «берег»), в то время как в ливвиковском и людиковском наречиях и в вепсском языке оно подверглось переменам: сохранилось, если предпоследний слог был краткий открытый и слово было двухсложно (напр., *kala* «рыба»), отпало, если предпоследний слог был краткий открытый и слово было многосложно (напр., *madal* «низкий») и, наконец, заменилось через *и* (*y*), или «е», или *нуль* — смотря по диалекту — если последний слог был долгий или закрытый (напр., *randu*, *rande*, *rand* «берег»). Или: собственно-карельское наречие пережило исчезновение неслогового *i* в одних условиях, именно в конце четного слога независимо от того, какой следовал согласный и следовал ли какой-либо согласный вообще (напр., *taloi* > *talo* «усадыба», *kalaine* > *kalane* «рыбка», *kalaizet* > *kalazet* «рыбки», *laiska* «ленивый»), в то время как ливвиковское и людиковское наречия и вепсский язык пережили выпадение того же звука в других условиях, именно, во-первых, в четном слоге перед начинающим последующий слог *z* и, во-вторых, в любом слоге перед заканчивающим данный слог *ш* (напр., *taloi* «усадыба», *kalaine* «рыбка», *kalazet* «рыбки», *lasku*, *laskhe*, *lask* «ленивый»). Или еще: в собственно-карельском наречии свистящие и шипящие щелевые согласные распределились по одному принципу, именно свистящие оказались в основном после *i*, а шипящие обычно (напр., *i'izä* «прибавка», *n'iska* «затылок», *vaja* «теленок», *oksha* «ветвь»), в то время как в ливвиковском и людиковском наречиях и в вепсском языке те же согласные распределились по другому, обратному, принципу, именно свистящие оказались обычно, а шипящие оказались в основном после *i* (напр., *i'imä* «прибавка», *nishku*, *nishke*, *nishk* «затылок», *vaza* «теленок», *oksu*, *okse*, *oks* «ветвь»).

Таким образом, наше утверждение, что друг другу противостоят, с одной стороны, собственно-карельское наречие, а, с другой стороны, ливвиковское и людиковское наречия вместе с вепским языком, с фонетической стороны оправдывается в достаточной мере.

С собственно-грамматической (морфолого-синтаксической) стороны наше утверждение оправдывается еще лучше. Так, собственно-карельское склонение построено на одних началах, а ливвиковское, людиковское и вепсское на других. Со спряжением дело обстоит сходным образом.

С лексической стороны наше утверждение тоже оправдывается.

Весьма интересно, что при историческом исследовании диалектов оказывается, что в XVI—XVII вв. противостояние собственно-карельского наречия ливвиковскому и людиковскому наречиям и вепсскому языку было резче, чем ныне. Тогда, между прочим, не существовало переходов от собственно-карельского наречия к ливвиковскому или людиковскому. На определенном рубеже собственно-карельская речь как бы обрубалась топором и непосредственно рядом начиналась глубоко отличная ливвиковская или людиковская речь.

Картина такова, что никак нельзя говорить о процессе разделения некогда повсюду единообразной карельской речи на три наречия. Нет, приходится говорить о связывании в карельском языке двух глубоко различных типов речи, из которых одна была представлена и в вепсском языке.

За связыванием в карельском языке двух глубоко различных типов речи не может не стоять связывание в карельском народе двух глубоко различных этнических стихий, двух древних племен.

Этому есть очень важное подтверждение, извлекаемое из этнонимики Карелии, т. е. из самоназваний и названий отдельных групп карельского населения.

Карелы объединяют себя в единое целое лишь постольку, поскольку дело касается высших сфер общественных отношений. В быту они себя в единое целое вовсе не объединяют. Собственно-карелы называют себя *Karjala*, *karjalaizet*. Ливвики называют себя *L'iydi* или *L'ügi*, *P'ivviköit*. Людики называют себя *L'uud'* и т. п., *P'uudikuoit* и т. п. Прибавим к этому: вепсы называют себя *Lud'* (*pagiwta* *Pud'ksh* «говорить по-вепски»).

Самоназвания ливвиков *L'iydi* и т. п., людиков *L'uud'* и т. п. да и вепсов *Lud'* и т. п., противостоя самоназванию собственно-карел, представляют собою варианты одного и того же самоназвания. Это древний русский социальный термин люди, использованный как этнический. Превращение социального термина в этнический вообще не составляет редкости. Для примера укажем еще на то, что эстонцы до национального подъема называли себя вовсе не *Eesti* (это название заимствовано у немцев), а *maarahvas* — «земельный народ», «крестьяне».

Само собою разумеется, что ливвики, людики да и вепсы называли себя «людьми» не искони, а только с некоторых пор. Раньше они называли себя иначе. Прежнее название помнят северные соседи ливвиков и людиков — собственно-карелы. Они называют ливвиков и людиков, как, понятно, и вепсов, *vepsä*. Заметим: ливвиков! людиков!

Карельский народ составил из двух этнических элементов. Один из этих элементов ведет начало от древнего племени *Karjala*. Другой — от древнего племени *Vepsä*. Собственно-карелы продолжают (разумеется, в обстановке некоторых смещений) *Karjala*. Ливвики и людики продолжают (разумеется, тоже в обстановке смещения) *Vepsä*. Обособившуюся группу тех же *Vepsä* продолжают вепсы.

Если перевести прибалтийско-финские термины на термины русской озвучки, то *Karjala* это летописная *Карела*, а *Vepsä* это летописная *Весь*. Надо, впрочем, оговориться, что в летописи термин *Весь* употребляется в суженном значении, — не по отношению ко всем тем, кто называл себя *Vepsä*, а только по отношению к населению Белозерья, рано ассимилировавшегося русским. Русские широко поль-

зовались термином Чудь, население же Белозерья выделено под его собственным названием в русской озвучке. Дело в том, что население Белозерья, входившего в состав Волжского бассейна, выделялось по своей торговой деятельности на Волге.

Если спуститься в более значительную историческую глубину и от карел, составившихся из элементов *Karjala* и *Vepsä*, обратиться к древнему племени *Karjala*, то и тут дело обстоит не так, как учат финляндские ученые.

Древнее племя *Karjala* говорило на языке, который нельзя прямо вести к языку древнего племени *Näme* середины I-го тысячелетия и ближайшего последующего времени. Некоторые языковые нити тянутся и на территорию современной Эстонии. Есть также языковые моменты, которые пока что нельзя связать ни с чем, находившимся вне *Karjala*. Происхождение языка *Karjala* совсем не просто. Наоборот, оно весьма сложно.

За сложностью происхождения языка *Karjala* не может не стоять сложность происхождения самого племени.

Итог получается следующий.

Вскоре после н. э. в юго-западной части Финляндии сформировалось два племени: *Suomi* у слияния Финского и Ботнического заливов и *Näme* невдалеке в глубине страны, около ближайшей группы крупных озер. Значительно позднее, уже во второй половине I-го тысячелетия, сформировалось два других северных прибалтийско-финских племени: *Karjala* в приладожской части Карельского перешейка и *Vepsä* в местах между Волховом и Свирью с выходом на Белое озеро. В формировании племени *Karjala*, бесспорно, приняли участие выходцы из племени *Näme*, но не обошлись и без различных других элементов, так что говорить просто о западно-финляндском происхождении *Karjala*, невозможно. Что касается племени *Vepsä*, то его происхождение еще не ясно. Впоследствии протекли большие передвижения человеческих групп, частью в порядке колонизации новых территорий, частью же в порядке reagирования на события русско-шведских войн. Племя *Karjala* утратило единство. Некоторые его группы вошли в состав финского народа, главная же масса составила важную составную часть карельского народа. Не сохранило единства и племя *Vepsä*. Некоторые его группы обособились в отдельный маленький вепсский народ, но другие составили важную составную часть карельского народа. Карельский народ составил из элементов *Karjala* и *Vepsä*.

Таким образом, утверждение, что карельский народ это плоть от плоти, кровь от крови племени *Näme*, оказывается грубо неверным. Тенденциозное упрощение хода вещей, допущенное финляндской наукой, могло возникнуть только в обстановке беззастенчивого пользования той монополией в финноугорских вопросах, которая существовала для финляндской науки еще так недавно.

Теперь пойдем дальше.

При ознакомлении с диалектологическими картами бросается в глаза своеобразная диалектологическая область, где связываются «узлом» все три наречия карельского языка. Связывающим моментом является сильнейшее воздействие речи северных людиков. Данная область захватывает территорию северных людиков, территорию собственно-карел вверх по р. Суне и севернее до озера Сегозеро и территорию самых северных ливвиков.

Воздействие речи северных людиков, создавшее данную своеобраз-

ную область, частично прослеживается и дальше. В убывающих степенях оно прослеживается на север почти до Белого моря, а на юг — до южной границы К-ФСР, будучи хорошо заметно, в частности, в районе г. Олонца.

В чем же историческое основание столь значительного воздействия речи северных людигов?

Загадка перестает быть загадкой, как только мы замечаем, что указанная своеобразная область совпадает с карельской частью области распространения большой металлургической индустрии XVI—XVII вв. Центр этой металлургической индустрии был в русском Заонежье — на большом полуострове, вдающемся в Онежское озеро с запада. Сильно эта металлургическая индустрия была представлена и на территории самых северных ливвиков. Дальше она простиралась на территорию собственно-карел вверх по р. Суне и севернее до оз. Сегозеро и на территорию самых северных ливвиков. Было несколько металлургических заводов и громадное количество пунктов кустарной добычи и обработки болотной железной руды. Северные людики были посредниками в передаче экономических и культурных влияний, шедших из Заонежья. Отсюда и их громадное языковое воздействие в разных направлениях, прежде всего в пределах области металлургической индустрии.

С начала XVIII в. в отношении, развивавшиеся в Карелии, вошла новая сила, действовавшая в том же направлении, что Заонежье, — Петрозаводск, важнейший в Карелии административный, экономический и культурный центр.

Мы подошли вплотную к процессу связывания разнородных этнических элементов в один карельский народ. Связываясь в области влияния Заонежья, а потом и Петрозаводска, сближаясь в этой области, а отчасти и за ее пределами в языковом отношении, потомки древних Корелы и Веси на территории Карелии стали преодолевать былое противостояние. Начавшись с экономики, этот процесс связывания завершился тогда, когда его действие было воспринято сознанием людей.

Процесс формирования карельского народа, как видно, своеобразен. Некоторые моменты этого процесса еще ждут исследования силами ученых разных специальностей. Как бы то ни было, но этот процесс — историческая реальность.

Завершение данного процесса относится в наши дни. В рамках сначала Карельской АССР, а потом Карело-Финской ССР карельский народ достиг и политического объединения. Общность государственной жизни обеспечила полнейшую общность экономической и культурной жизни.

Таким образом, утверждение, что современные карелы это просто недооформившиеся финны, тоже оказывается грубо неверным. Допущенные финляндской наукой извращения исторической действительности — совсем не к ее, финляндской науке, чести.

Теперь пойдем еще дальше. Нам придется сейчас опираться уже на данные, лежащие за пределами лингвистики. Дело касается оценки роли России в истории карел.

Факт национальной концентрации карел в системе России говорит сам за себя. Собственно говоря, одного этого факта достаточно для того, чтобы оценить роль России в истории карел не отрицательным, а положительным образом. Но нелишне войти в рассмотрение и кое-чего другого.

Нет спора: царская власть в России запятнала себя своей политикой по отношению к «инородцам», в частности, по отношению к карелам. Это настолько общеизвестно, что распространяться на этот счет вряд ли нужно.

Но царская власть не составляла России. Не составлял России и тот классовый порядок, который выдвинул царскую власть. Россия — это государство, создано великим русским народом не ради царской власти и не ради того классового порядка, который выдвинул царскую власть, а ради своего укрепления и развития в мире — развития к высшим формам человеческой солидарности.

Царскую власть карельский народ ненавидел. От классового порядка, который выдвинул царскую власть, карельский народ веками жестоко страдал. Но России он был всегда верный друг. Он героически оборонял северо-западные рубежи Русского государства. В годы бедствий он искал убежищ на Русской земле.

Начало Русского государства было ознаменовано отсутствием всяких войн с теми, кто влился в состав карельского народа. Весь вошла в состав Русского государства с самого начала. Корела вошла в него с середины XII века, а раньше находилась с ним в каких-то (неясных) отношениях, исключавших войны.

В середине XII века Швеция начала свое наступление на «Восточную страну». В положении стража северо-западных границ Русского государства оказалась Корела, только что связавшая с этим государством свои судьбы. Корела боролась героически. Она умела наносить и жестокие ответные удары. Ей довелось даже проникнуть в метрополию Швеции и сравнять с землей важнейший шведский город — Сигтуну — предшественницу Стокгольма.

Борьба Корелы развивалась блестяще. Но на Русь обрушилось страшное бедствие — монголо-татарское нашествие. Тыл Корелы был ослаблен, и она перешла к обороне. В течение многих веков она принимала на свою грудь жестокие удары Швеции и не сламывалась. Земля ее десятки раз пылала из конца в конец. Кто не мог выдержать ожесточения борьбы, уходил на Русские земли. С XIII в. группы Корелы селились в самых различных, часто очень отдаленных, местах, например, даже у оз. Кубенского в Средней Карелии, до того заселенной только саамами-лопарями. В Южную Карелию они не направлялись потому, что она была уже заселена Весью.

Спротивлению Корелы, казалось, не было конца. Но в конце XVI в. начался, а в начале XVII в. со всей силой разразился жесточайший социально-политический кризис в России — «смутное время». Корела была разгромлена Швецией. По Столбовскому миру 1617 г. к Швеции отошли все без исключения старые земли Корелы. Начался ее знаменитый «исход». Главный поток направился на юго-восток, в тверском (калининском) направлении. В течение XVII в. зарегистрировано примерно 30.000 Корелы в этих местах — громадная по тем временам цифра; сюда не вошли раньше бежавшие и обошедшиеся без регистрации. Другой поток направился в Среднюю и отчасти Северную Карелию.

Позднее всех, в начале XVIII в. закончила свое передвижение Прибалтийская Корела, которая в своих северных местах ощущала шведский гнет в смягченных формах. Она обосновывалась в Северной Карелии. На покинутых Корелой местах расселились финны. Западная Карелия сохранила свое имя только по старой памяти.

Контрнаступление России против Швеции, начавшееся при Петре I, не внесло в расселение карел существенных перемен. Только некоторые их группы, преимущественно ливвики, продвинулись на пусто-порожные земли в западном направлении, почти достигнув меридиана гор. Сортавалы.

Следует ли говорить о том, что все это значит? Карелы прошли всю свою государственную историю вместе с русским народом, в составе России, и не по принуждению, а по доброй воле. Трудно найти лучшего друга русского народа, чем карельский народ, и трудно найти лучшего друга карельского народа, чем русский народ.

Мы подошли к политическому выводу.

Пребывание карельского народа в границах Русского государства, а теперь — Советского Союза оправдано историей и всесторонне справедливо. Если финны дорожат своим родством с карелами, они должны стать добрыми соседями Советского Союза. Не война нужна, а мир.

К. В. ЧИСТОВ

РОЛЬ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА КАРЕЛИИ В РУССКОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

В дни двадцатипятилетия республики карело-финский народ с законной гордостью подводит славные итоги своего политического, экономического и культурного развития.

Необычайный расцвет производительных сил, превращение глухой Олонии в Карело-Финскую ССР — страну быстро развивающейся промышленности — сопровождались широчайшей культурной революцией, совершенной народами республики при постоянной поддержке великого русского народа, под руководством партии Ленина—Сталина.

Вспоминая прошлое и радостно присматриваясь к настоящему, мы все больше и больше познаем материальные и духовные богатства республики.

Среди духовных богатств ее важное место занимало и занимает устное народное творчество народов — карел, финнов, вепсов и русских, населяющих республику.

Русское устное народное творчество Карелии дало замечательные образцы глубоконародных, высокохудожественных произведений. На лучших достижениях местной традиции воспитывались замечательные мастера русского фольклора в Карелии XIX и XX вв. — Рябинин, Федосова, Прохоров, Касьянов, Богданова-Зиновьева, Щеголенок, сказители советского времени — Конашков, Коргуев, Господарев, Пашкова, Фофанов и др.

Лучшие творения этих мастеров обеспечили русскому фольклору Карелии всемирную славу. Слава эта стала особенно значительной в советское время благодаря постоянному вниманию и заботе к народным талантам со стороны партии и правительства, всей нашей советской общественности, в условиях массовых изданий книг по фольклору и постоянной популяризации народного творчества через радио, газету, кино.

В советское время собирание и изучение устного народного творчества приобрело необычайный размах. Созданы организации, специально занимающиеся собиранием, изданием и изучением произведений многонационального фольклора народов СССР.

Советские фольклористы в борьбе с антинародными «теориями» буржуазной фольклористики проделали колоссальную работу, позволяющую теперь правильно понять природу историко-фольклорного процесса в ее основных чертах.

В советское время в условиях огромного культурного роста народа в стремительном темпе уничтожается многовековое противостояние литературы и фольклора: литература стала общенародным достоянием; советский фольклор, знаменующий собой качественно новую ступень развития русского фольклора, стал неотъемлемой частью советской литературы. У писателей и сказителей единые общественные идеалы, одна цель, хотя подчас еще разные средства ее достижения.

Морально-политическое единство нашего народа, отсутствие антагонистических классов в нашей стране, привели к созданию социалистической по содержанию единой общенародной культуры, единой культуры художественного слова.

Для правильного понимания этого процесса, имеющего большое историко-культурное значение, надо со всей четкостью определить роль и место устного народного творчества в художественной культуре народов Советского Союза.

Если же мы имеем в виду русское устное народное творчество в Карелии, то прежде всего необходимо уяснить его роль в общерусской фольклорной традиции. Следовательно, тему «Роль русского фольклора Карелии в русском народном творчестве» я рассматриваю, как подход к более широкой теме, трактующей роль русского фольклора, т. е. художественного творчества трудовых масс в истории русской культуры.

Научное решение этого вопроса вырастает в методологически сложную и в теоретическом отношении чрезвычайно важную проблему.

Значительно проще решается, например, вопрос о роли русского фольклора Карелии в истории русской фольклористики, русской литературы, музыки, изобразительного искусства. Исследование этой стороны нашей проблемы тоже еще только началось, но здесь уже известно многое.

Известны, например, факты, позволяющие утверждать ведущую роль олонекских текстов в истории русской фольклористики, значительность влияния русского фольклора Карелии на развитие русской литературы, музыки и изобразительного искусства.

Достаточно вспомнить имя Некрасова, щедро черпавшего поэтический материал из сборников Рыбникова и Барсова; Горького, оставившего два замечательных очерка об олонекской сказительнице И. А. Федосовой; Льва Толстого, написавшего ряд «Народных рассказов» после встречи с В. П. Щеголенком из заонежской деревни Боярщина; Римского-Корсакова, давшего блестящие примеры творческого использования как олонекских текстов, так и олонекских напевов в операх и симфониях («Садко», «Царская невеста», «Псковитянка» и др.); Мусоргского, воспользовавшегося рябининским былинным напевом для песни Варлаама в «Борисе Годунове»; Балакирева, Кюи, Вильбоа, обработавших народные напевы, записанные от русских песенников Карелии; Васнецова, давшего классические живописные образы богатырей; Репина, нарисовавшего портрет Щеголенка, и многих других.

Значительный след в истории русской культуры оставили многочисленные выступления во второй половине XIX и в XX вв. олонекских сказителей во многих городах России — Рябинных Трофима Григорье-

вича и Ивана Трофимовича (в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе), Федосовой (в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Казани), Касьянова, Калинина, Щеголенка и др.

В советское время эти выезды приобретают невиданный размах и систематичность; помногу раз выезжают Богданова, Коргуев, Господарев, Конашков, Рябинин-Андреев, Пашкова, Фофанов и многие другие. Регулярные республиканские и всесоюзные конференции сказителей, публичные выступления их по радио — все это в равной мере способствовало и способствует постоянному увеличению вклада русских сказителей Карелии в сокровищницу русской художественной культуры.

Возможность разработки темы «Роль русского фольклора Карелии в русском народном творчестве» основывается на убеждении в том, что русские сказители Карелии (при этом я в первую очередь имею в виду т. н. Прионежье) были своеобразным и самостоятельным, единым отрядом русских сказителей, объединенных общей исторической судьбой, приведшей к выработке единой традиции. Это не значит, конечно, что русские сказители Карелии были изолированы от сказителей других русских областей, прежде всего, других областей русского Севера, иначе сама постановка темы была бы невозможной. Это не значит также, что внутри этой прионежской традиции не было вполне своеобразных групп. Они существуют и были, но это совершенно не снимает вопроса о существовании прионежского единства традиции.

Должен заранее предупредить, что я не претендую на исчерпывающую разработку поставленной темы (это под силу только большому коллективу фольклористов). Моя задача скромнее, — она будет выполнена, если я намечу хотя бы общие контуры такой разработки. При этом я буду широко пользоваться исследованиями русского фольклора Карелии, дающими материал для настоящей темы.

В силу целого ряда исторических причин (детальный анализ которых вывел бы нас за пределы поставленной темы) фольклорная традиция Карелии оказалась одной из сильнейших, одной из наиболее устойчивых и плодотворных.

Основные из этих причин: 1) интенсивность культурных, торговых и административных связей Карелии со старыми центрами русской культуры, прежде всего Новгородом, до конца XVII в., т. е. как раз в пору идеологического и жанрового оформления русского эпоса. Вместе с эпосом в эту пору активно развиваются и другие виды народного искусства — вышивка, резьба, деревянная архитектура и т. д.; 2) пограничное, «порубежное» положение Карелии, активное участие народных масс Карелии, особенно в названную пору, в борьбе с иноземным врагом должны были сделать основные идеи русского эпоса близкими каждому крестьянину Карелии. Знаменателен в этом отношении успех русского эпоса среди иноязычных карел на территории Карелии; 3) своеобразное развитие Карелии после конца XVII в. — начала XVIII в., которое характеризуется, с одной стороны, отдаленностью Карелии от основных культурных центров страны, и с другой, — продолжением самобытного развития крестьянской поэтической культуры; 4) отсутствие поместной формы крепостного права в Карелии создавало подчас более тяжелые формы эксплуатации, но сохраняло некоторую иллюзию юридической и экономической самостоятельности. Нет сомнения в том, что в центральных областях России личная крепостная зависимость крестьян от помещиков сыграла отрицательную роль в исто-

при русского творчества; 5) специфические природные условия и специфические артельные формы труда (артельное рыболовство, зверобойный промысел, лесные работы и т. д.).

Эти же специфические особенности исторического развития Карелии обусловили и роль русского фольклора Карелии в русском народном творчестве.

Буржуазная фольклористика не отрицала достижений русского фольклора Карелии, но сводила их при этом к заслуге сохранения старинного культурного наследия, совершенно игнорируя (за исключением работ Н. Васильева и некоторых замечаний в последних работах Вс. Миллера) проблему творческой роли сказителей русского Севера, в том числе и Карелии, в истории русского фольклора.

Обратимся прежде всего к былинам.

Действительно, русская фольклористика впервые познакомилась с былинами по записям из б. Олонецкой губернии, по записям Рыбникова, Барсова, Гильфердинга, Шайжина и др. По подсчету Лободы (см. «Русский богатырский эпос»), к 1896 г. было известно 464 записи вариантов былин, из них около 300 из Олонецкой губ., причем Лобода не считал повторные записи Гильфердинга, собиравшего через 10—15 лет после Рыбникова. Следует отметить, что при этом значение олонецких текстов не определялось количеством записей.

Записи из других районов (за исключением Архангельского Севера) были отрывочны и бедны, и, таким образом, не могли выдержать никакого сравнения с целостными и разнообразно разработанными текстами Прионежья. С блестящими по своей идеологической остроте текстами Рябинных, Касьянова, Прохорова, Сорокина, Федосовой, Богдановой, Пашковой, Фофанова, Конашкова не только в то время, но и до настоящего времени не могут конкурировать записи из других районов.

Русские сказители Карелии донесли до наших дней замечательные образцы былин, наиболее четкие и ясные, наиболее выдержанные в композиционном и стилевом отношении. Особенно замечательна в прионежских былинах отчетливость социально-исторических образов. Так, например, в Прионежье были записаны лучшие варианты сюжетов, отразивших новгородские общественные отношения — Садко, Василий Буслаевич, Хотен и др.

В записях от русских сказителей Карелии известны своеобразные, не повторяющиеся в других районах России, обработки сюжетов: Василий Игнатьевич, Добрыня и Змей, Илья и Идолище, Илья Муромец и сын, Дюк Степанович, Наезд литовцев, Потык, былина-баллада «Братья разбойники и сестра» и др. (см. А. М. Астахова «Русский былинный эпос на Севере»).

Такие качества прионежской традиции обеспечивали мощное влияние, которое оказывали русские сказители Карелии на устное творчество других, прежде всего соседних областей.

Торговый путь из Новгорода в Белое море и обратно шел через Онежское озеро (а позже и из Московских областей через Белое озеро и затем также до Белого моря) и обслуживался прежде всего олончанами, давал им возможность постоянных встреч с представителями фольклорных традиций других областей.

Позже (в XVII, XVIII и XIX вв.) развитие Шуньгской ярмарки, бывшей центром товарообмена на русском и карело-финском Севере, давало регулярные возможности таких встреч. Олончане ходили с това-

рами (соль, железо, меха, рыба) в Новгород, Москву, Тихвин, Архангельск; кижские ножи были известны всей России. Упоминания о них мы находим не только в документах по истории названных выше ярмарок и торговых рядков, о них пишет, например, в 1646 г. Устькутская (Якутия) Таможенная книга¹.

Олончане постоянно встречались с представителями других областей русского Севера на рыболовных и зверобойных промыслах в Белом море и Ледовитом океане (Кеды, Мурманский и Терский берега и т. д.).

В XVIII—XIX вв. с усилением классового расслоения карельской деревни прионежцы массами уходят на заработки, расплываясь по всей центральной России, доходя даже до пределов Украины. Все это уже неоднократно отмечалось в работах, посвященных русскому фольклору Карелии, и, безусловно, достойно дальнейшего изучения и популяризации.

В первую очередь необходимо продолжение подобного рода изучения, выясняющего специфику прионежской традиции в области сказок, песен (особенно исторических и балладных) и других крупнейших жанров русского фольклора. Однако одно такое статическое сравнительное изучение не приведет еще к желаемым результатам.

Для того, чтобы правильно осознать роль русского фольклора Карелии в общерусском народном творчестве, нужно выяснить в первую очередь, в каком направлении развивалось творчество русских сказителей Карелии, какие тенденции осуществлялись их соединенными усилиями и какое значение эти тенденции имели в истории русского фольклора. Исчерпать эту тему до конца можно будет только после выполнения целой серии монографических исследований процессов, происходивших в пределах отдельных жанров.

До сих пор больше всего сделано в этом направлении фольклористами, изучающими былины, и, в первую очередь, проф. Астаховой, проводившей огромную текстологическую работу, дающую ценный материал для дальнейших исследований.

Отдельные, чрезвычайно ценные наблюдения рассыпаны по сборникам, изданным в Карелии в последние годы (Нечаева, Новикова, Соимонова, Базанова и др.).

Дружными усилиями советских фольклористов неопровержимо доказан творческий характер процессов, развивавшихся в народном творчестве в XVIII, XIX и XX вв.

Необходимо обобщить отдельные наблюдения, выяснить характер этих творческих процессов, их смысл и направленность.

* * *

Развитие крестьянской идеологии в XIX и XX вв., особенно в пореформенный и предреволюционный период, характеризуется постепенным, но явственным обострением социального самосознания, постепенным подходом к сознательному определению своей исторической роли, своих друзей и врагов, своего места в современном обществе. «...Века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения, — писал Ленин, — накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости»².

¹ Крепостная мануфактура в России, ч. II. Олонецкие медные и железные заводы, стр. XII.

² Ленин. Соч., т. XV, стр. 183.

Революционизирование широких слоев крестьян в предреволюционные десятилетия дало возможность значительным его массам пойти в 1917 году и после Великой Октябрьской революции за пролетариатом, отказаться от собственныхческих устремлений, стать передовым колхозным крестьянством, каким мы его знаем теперь.

В устном народном творчестве идеологическая эволюция крестьянства, а затем и его социальная трансформация, получили свое специфическое выражение в процессе вызревания элементов реалистического художественного мышления, перерастания наивного реализма в реалистическую систему. Этот процесс начался давно, но он заканчивается лишь в наши дни, когда дальнейшее развитие фольклора происходит в теснейшем контакте с традицией советской литературы, вставшей на путь социалистического реализма. Совершенно так же, как литература прежде чем она подошла к созданию законченной системы социалистического реализма, должна была проделать колоссальный путь, должна была в числе прочих фактов, влиявших на ее развитие, испытать и длительное воздействие фольклора (от Пушкина до Горького), устное народное творчество должно было претерпеть значительную эволюцию, прежде чем пришло к возможности активного восприятия книжной традиции, пришло к возможности слияния с другим великим потоком художественной культуры на равных началах.

Этот процесс заметен убоится к началу XX в., а в советское время приобретает бурный темп, приводит к коренным преобразованиям самой основы художественной системы устного народного творчества.

Русские сказители Карелии приняли деятельнейшее участие в этом движении к художественному реализму, более того, они были и в значительной мере остаются ведущим отрядом русских сказителей.

Присмотримся к этому процессу более внимательно. Идеологическая эволюция крестьянства во второй половине XIX в. и в начале XX в. получает свое многостороннее и яркое выражение в устном народном творчестве. Прежде всего это сказывается в резком усилении остроты социального мышления и в быстром нарастании элементов протеста.

Советским фольклористам, дорожащим этими драгоценными документами революционирования русского крестьянства, приходится преодолевать немалые препятствия.

«Разумеется, — говорил А. М. Горький, — песни эти прошли цензуру и редакцию господ, которые вытравивали из них меткое гневное слово, вытравивали живую мысль и все, что пел, что мыслил крестьянин о своей трагической рабской жизни»¹.

Но даже по доступным нам записям отчетливо видно, как стихия социального осмысления врывается в мир сказки и былины, деформирует сказочные образы, наполняет привычные традиционные схемы новым содержанием, полным жизни и борьбы.

В былинах это сказалось, прежде всего, в длительном, но властном процессе циклизации большого количества сюжетов вокруг фигуры Ильи Муромца, ставшего главным и идеальным героем русского эпоса. Чрезвычайно важно при этом, что Илья Муромец, идеальный народный герой, социально определен, — он крестьянин, «крестьянский сын» и первый подвиг, совершенный им, — помощь родителям на поле. Эти черты Ильи Муромца приобрел не сразу — ранние записи в большин-

¹ М. Горький. На краю земли. Кар.-Мурм. край, 1930, № 2, стр. 18—23.

стве своем не называют его крестьянином, он еще просто житель города «Мурома» (Морова).

Даже в сюжете «Исцеление Ильи Муромца», сравнительно поздно (по датировке Вс. Миллера в XVI—XVII вв.) вошедшем в основной цикл сюжетов об Илье, в ранних записях он не называется крестьянином. Илья Муромец, безаветно служащий родине, защитник всех слабых и обездоленных, могучий и справедливый богатырь, атаман русских богатырей. Став крестьянином, он превращается в силу, противопоставленную не только врагам извне, он постоянно контрастирует с Владимиром и его окружением — боярами, он постоянно берет над ними верх. С особенной резкостью это проявляется в былине «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром».

Как следует из материалов, собранных проф. Астаховой в книге «Русский былинный эпос на Севере», крупнейшей заслугой русских сказителей Карелии было настойчивое и последовательное культивирование крестьянских черт Ильи Муромца — антагониста князей и бояр. Не случайно лучшие варианты былины о ссоре Ильи Муромца с кн. Владимиром записаны от современных пудожских сказителей Ф. А. Коначкова и А. М. Пашковой. Они как бы подводят итоги этому длительному процессу.

Особенно значителен в этом смысле вариант Пашковой. «В противопоставлении богатыря князю и боярам она идет дальше других сказителей (ср. Гильф., I, № 47; II, № 76); разгневанный Илья не просто пьет с гостями в кабаке, а устраивает свой «почестен пир», из который приглашает, кроме голей кабацких, «бедноту деревенскую», «лапотников», «балахонников». Близость богатыря к массам, его связь с нищей бедняцкой, неоднократно подчеркивается в былине. Встревоженный князь видит «в трубочку подзорную», что «Илья с беднотой да угощается»; об этом же говорит Илья, обращаясь к Добрыне:

Не зыывал я не князей — бояр,
А собрал-то всех ля бедноту-крестьян,
Всех-то я голей кабацких»¹.

В записи от Амосова из Заонежья эта былина кончается полной победой Ильи. Владимир-князь со страха забирается под печку:

Да не спасенье под печкой под кирпичной,
Тут Илья Муромец столечек отдергивал,
Снял золоты ключи:
«Завтра сам буду править княжеством»

(Запись М. Б. Камянской и Н. И. Тяпонкиной, 1932 г.).

В другой былине — «Илья Муромец и Соловей-разбойник» — Владимир не верит Муромцу, что он приехал «дорожкой прямоезжей», по которой раньше ни «зверь не прорыскивал», ни «птица не пролетала», на которой разбойничает «Соловей-разбойник Одихмантьев сын», именно потому, что он мужичище-деревенщина (Гильф., № 75, Былины Пудожского края, стр. 95). Бояре надсмехаются над Ильей, но Илья заставляет Соловья свистеть и «толстобрюхие бояре» просят Илью не губить их, оставить их «хоть на симена».

¹ Софмонов и Парилова. Былины Пудожского края, стр. 463.

А Владимир-князь да стольно-киевский,
А он по двору да в круги бегаёт.
Куньей шубкою да укрывается.

(П. И. Рябинин-Андреев).

Особенно подчеркнут социальный облик Ильи Муромца в былине Чванова из Заонежья:

Я не купецкий сын — сын крестьянина
Сын крестьянина — не богатого,
Не богатого, а бедного.

(Былины Севера, т. II).

В равной степени русские сказители Карелии сыграли ведущую роль в социальном осмыслении Микулы Селяниновича, трех братьев из быliny «Кострюк», победившего иноземного богатыря, заместивших в борьбе с ним отсутствующих русских богатырей (Былины Пудожского края, стр. 257), и некоторых других богатырей.

Одновременно с идеализацией богатырей-крестьян шло снижение образов Владимира, бояра, Алеши Поповича, осознанного именно поповичем.

Большинство исследователей подчеркивало резкое снижение, окарикатуривание облика князя Владимира, как один из наиболее характерных признаков Прионежской традиции. Владимир жесток и не справедлив к Илье Муромцу, он беспощаден и труслив при приближении врага к Киеву (Калин, Батыга и т. д.), он играет незавидную роль и в новеллистических сюжетах. Так, например, в былине «Добрыня и Алеша» он то интригой (Гильф., № 107), то прямым насилием (Гильф., № 198), то обманом (Гильф., № 65) заставляет жену Добрыни выйти за Алешу Поповича. В некоторых вариантах (Гильф., № 206, 211) Владимир ради достижения цели той же интриги даже злоупотребляет государственной властью, издает «указы грозные», «манифесты немилосливы»: «Не держать бы жен безмужних, не держать удовок беспаспортных».

Добрыня возвращается домой и, обнаружив обман, говорит Владимиру:

Ай же, Владимир, столен-киевский,
Я служил тебе как верой правдою,
А ты ведь сделал дело доброе:
Молоду Настасью Микуличну
А силою берешь ты великою,
Ты прощай меня нын-ка, — Владимир князь.

(Гильф., № 65).

Как мы видим, сказителей все больше интересует не только сам факт подвига, но и реальные социальные взаимоотношения героев в процессе его совершения. Происходит разработка и шлифовка социальных характеристик основных образов.

Одновременно процесс социальной конкретизации образов приводит к обострению социальных контрастов (противопоставлений) и, следовательно, к выработке социально определенных, социально осознанных идей. Крестьянское сознание находит врагов Ильи Муромца не только в полчищах татар, угрожающих Киеву, но и в самом Киеве — это Владимир и его окружение. Ярчайший пример этого я уже приводил — былина о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром. Это уже под-

ход к классово осознанному искусству. Значительностью участия русских сказителей Карелии в этом процессе и определяется их роль в общерусском эпическом творчестве новейшего периода. Оговорюсь: к вопросам нового, советского эпоса, вырастающего на основе традиционного, мы вернемся специально.

С особенной силой процесс конкретизации социального мышления проявляется в сказке. Исключительно обильный материал дают нам в этом отношении записи советского времени (сборники Коргуева¹, Господарева², «Сказки и песни на Онежском заводе» и др.). Острота социальной трактовки традиционной сказки проявляется не только в частности, напр., в сказке Коргуева «Иван Несчастный» (№ 25) печистая сила выступает в образах десятского, сотского и урядника (см. стр. 536), в сказке «Три лебедя» купец становится купцом после грабежа; в сказке Паикачевой «Счастье» (запись Цейтлина³) злой любовник матери, преследующий детей, приобретает социальную характеристику, неизвестную по другим вариантам. — это дьячок и т. д., но она выступает подчас в качестве силы, трансформирующей привычные сказочные образы. Так, например, сказка Коргуева «Как купеческий сын прожил отцовский капитал», казалось бы, воспроизводит традиционную схему сказки «Неумойка» (договор с чортом), однако, своеобразное социальное осмысление основного героя (не солдат, а купеческий сын) деформирует основную сюжетную коллизию — купец, поступив к чорту в работники, не раздает деньги бедным, как делал это, например, солдат в варианте Афанасьева (II, 638—639), а наоборот, старается разбогатеть, приобретает с помощью волшебных карт деньги, дома, магазины, корабли, игорный клуб и даже одежду и трех дочерей купца. Это сообщает сказке большую социальную остроту. Обогащенная рядом новых эпизодов, она превращается из сказки о бесшабашном солдате в социальную сатиру — сатиру на купца.

Традиционный образ «Доли» в сказке Коргуева «Север (Сапоги-сорокоходы)» осмысляется аллегорически — богатый становится богатым, потому что он работает не сам, а заставляет работать на себя других. Его доля — аллегорическое изображение батраков, приносящих богатому счастье (см. стр. 211).

В сказке «Лани» (№ 20) дети бегут не от злой мачехи, как обычно, а, наоборот, родители советуют детям бежать, чтобы избавиться от притеснений богатого дяди.

В известной коргуевской сказке «Шкип» (№ 3) герой в заключительном эпизоде принципиально отказывается жениться на царевне и женится на крестьянской дочери.

Особенной социальной напряженностью отличаются тексты двух крупнейших русских сказителей Карелии — И. А. Федосовой и Ф. П. Господарева, и в этом они не имеют равных в истории русского фольклора. Чрезвычайно важно, что творения Федосовой и Господарева отражают особенно знаменательные моменты истории русского крестьянства новейшего времени.

Федосова художественно обобщила и выразила умонастроение олонецкого крестьянства середины 60-х годов прошлого столетия, т. е.

¹ Сказки Карельского Беломорья. Т. I. П. Сказки М. М. Коргуева. Запись, вступительная статья и примечания А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939.

² Сказки Ф. П. Господарева. Сост. Н. В. Новиков. Петрозаводск, 1941.

³ Известия Архангельского общества изучения русского Севера, 1911, № 8, стр. 190—193.

в момент, который В. И. Ленин называл «революционной ситуацией 60-х годов прошлого века», ситуацией, при которой Чернышевский ждал революции в 1865 г. (роман «Что делать?»).

В «Легенде о происхождении героя на земле» Федосова прямо называет причину крестьянских несчастий — это «власти-судьи неправосудные», которые разоряют крестьян «до последней лапотиночки».

Злокоманно их ретливое сердечушко
Точно лед как во синем море;
Никуды от их злодеев не укроешься
Во темных лесах найдут они дремучих,
Все доищутся в горах они высоких,
Доберутся ведь во матушке сырой земле;
Во конец оны крестьян всех разоряют.

Она замечательно правдиво рисует картину выколачивания податей мировым посредником. Вступившийся за крестьян староста замучен посредником в тюрьме. Красной нитью через все творчество Федосовой проходит энергичное возмущение жестоким глумлением над крестьянским несчастьем, которое позволяет себе потерявшее человеческий облик «начальство».

Фатально действующая Горе-Доля социально конкретизирована, социальный враг указан Федосовой. Это — последняя стадия патриархального фатализма, от которой крестьяне освобождаются в основном в период с 1861 по 1905—1907 гг. Протест Федосовой энергичен, но он выражен еще в форме причитания, как это подчеркивал Ленин, давший высокую оценку федосовских текстов.

Вы падите-тко, горячи мои слезушки,
Вы не на воду падите-тко, не на землю,
Не на божью вы церковь, на строеньице,
Вы падите-тко, горячи мои слезушки,
Вы на этого злодия супостатого,
Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же, боже, господи,
Штобы тлен пришел на цветно его платице,
Как безумище во буйну бы головушку!
Еще дай да, боже, господи,
Ему в дом жену неумную,
Плодять детей неразумных!

Она еще верит в возможность исправления положения. «Хороший царь» заступится,

Кабы видели цари да со царицами

Про несчастную бы жизнь нашу крестьянскую...

Господарев же, основным своим репертуаром отразивший идеологию революционного крестьянства 1905 г., далек уже от этих иллюзий. Его сказки — отзвук боевых настроений, чаяний и надежд крестьянства перед революцией 1905 года. Но Господарев не только крестьянин. Став рабочим Онежского завода, он продолжал углублять социальное переосмысление героев своих сказок.

«Вместе со своим народом, — пишет Н. В. Новиков во вступительной статье, — сказочник негодует на класс тунеядцев: царей, помещиков, духовенство. Он мучительно ищет пути и героев освобождения». «В его сказках чувствуется полная осознанность паразитизма эксплуататоров» (стр. 24). Например, в сказке «Государский сын» крестьянин

с чувством собственного достоинства заявляет: «Если бы я эту работу не работал, то мы б все с голоду сдохли, не носил бы ты (т. е. государский сын) такого пиджака на себе».

В сказке «Про глупого Омелю» волшебная дубинка опускается на спины собственников и их защитников.

Большая группа сказок Господарева — «Княгиня», «Барин-драчун», «Солдатские сыны», «Девочка-семилетка», «Солдат Данила», «Про золотое яичко» и др. объединяются ясно и остро выраженной антипомещичьей темой. «Герои в них не только глумятся и издеваются над глупыми, трусливыми барами, но, негодуя, решительно и смело вступают в открытую непримиримую борьбу с ними» (стр. 25). Господарев — мастер социальной сатиры. Он дает образцы замечательно умелого использования традиции в этих целях. Сатира на царей («Шут Балакирев», «Государский сын» и др.), сатира на помещиков и сатира на духовенство («Купец и поп», «Поп и работник», «Про цыгана и про попа» и др.) — по этим трем линиям развивается творчество замечательного сказочника.

Богатырская сила используется в его сказках не просто ради удалства, а как средство социальной расплаты (см. сказку «Солдатские сыны»). Даже традиционный мотив «неверной жены» в сказке «Об золотом кольце» оказывается выросшим из социального неравенства супругов.

Уместно подчеркнуть, что сказки Господарева в этом отношении не представляют исключения. И. В. Карнаухова, исследовавшая северные варианты этого сюжета, отмечает распространенность такой трактовки мотива «неверной жены» в Прионежье¹.

Неожиданно и оригинально заканчивается сказка Господарева «Про золотое яичко» (№ 12). Народ участвует в «выборах» нового царя. Избранный царь создает такой порядок в государстве, при котором «помещики и не стали драть и на работу гнать. Стали жить они, веселиться и стало всего много» (стр. 267).

* * *

Выработка социально-конкретного мышления не только чрезвычайно важный, но и ведущий признак вызревания элементов реалистического художественного мышления в устном народном творчестве. В непосредственной связи с ним вырабатываются и развиваются и другие категории образного мышления, совокупность которых трансформирует, как мы уже говорили, саму основу народной поэтики. Социальная конкретизация сопровождалась медленным, но широким по своему охвату процессом, который я бы назвал «конкретизацией обобщенного». Мир былины, сказки и песни, реалистический по своей природе, был, тем не менее, предельно обобщенным, он был мало похож на тот мир, который окружал сказителя. Выражая в высокохудожественной форме народные идеалы, он был чрезвычайно идеализированным. Это был реализм, но реализм наивный по своему существу. Реалистические системы — идет ли речь о реализме XIX века или о социалистическом реализме — завоевали иные, более высокие формы обобщений, научились выражать обобщение типичное в конкретной, единичной форме.

¹ И. В. Карнаухова. Сказки и предания Сев. края, 1934, стр. 421.

Как бы ни была высока степень обобщения лучших качеств советской молодежи в образе Олега Кошевого в «Молодой гвардии» Фадеева, — Олег Кошевой наделен индивидуальными чертами; не случайно Фадеев счел возможным сохранить в романе действительное имя своего героя. Как бы ни был типичен город, в котором действуют герои «Непокоренных» Горбатова, он остается городом, который легко отыскивается на карте.

Если внимательно приглядеться к процессам, происходящим в русском фольклоре второй половины XIX в. и в XX в., мы увидим совершенно отчетливые тенденции к выработке аналогичных приемов «конкретизации обобщенного». Привычные образы былин и сказок медленно, но верно наполняются реально-бытовыми подробностями, взятыми из современного сказителям быта. Былинный и сказочный мир модернизируется, осовременивается.

Записи сказок последних десятилетий пестрят такими переосмыслениями традиционных образов при помощи местного и преимущественно современного материала.

Герои сказок Коргуева, как правило, — люди, живущие на море и связанные с морем. Очень часто это не «герои вообще», действующие в некоем сказочном мире, а люди поэтизированного карельского Беломорья.

У наиболее одаренных сказителей такая конкретизация вполне органична, не приводит к разрушению цельности образов и сюжетов.

Для того, чтобы не утомлять примерами, я остановлюсь лишь на одном, но чрезвычайно показательном примере такой бытовой конкретизации.

Пудожский сказитель П. Н. Журавлев дал один из замечательных примеров реалистической переработки былины «Добрыня и Алеша» (Былины Пудожского края, № 64). История о неудачной женитьбе Алеши Поповича на жене Добрыни, уехавшего в царство Вахрамея Вахрамеева (см., напр., вариант Фофанова И. Т., тоже из Пудожского района) переосмысливается как рядовой случай из крестьянской жизни. Начинается война, и крестьяне собираются «в солдатики». Приехавший на побывку Алеша Попович уверяет Настасью Микулишну в том, что ее муж погиб. Настасья спрашивает совета у свекрови. Свекрови самой пришлось вдовствовать, поэтому она советует ей выйти замуж. В это время Добрыня узнает о том, что происходит дома, и возвращается. Свадьба Алеши расстроена.

Составители сборника «Былины Пудожского края» А. Д. Соймонов и Г. Н. Парилова совершенно справедливо отмечают «простоту, задушевность» и «эмоциональную насыщенность» образов этой былины.

Отработанное веками обобщение конкретизируется, наполняется реальным содержанием, но это уже реализм на более высокой ступени его развития, это уже элементы реалистической системы. Очень важно отметить, что русским сказителям Карелии в этом движении принадлежит почетное место.

* * *

Вместе с тем былинные и сказочные образы начинают разрабатываться и в ином направлении.

Исследователи уже давно обратили внимание на стремление сказителей конца XIX и особенно XX в. к отысканию психологических мотивировок действий сказочных и былинных героев.

В старой сказке и былине ее создателей, исполнителей и слушателей интересовал самый факт подвига или развитие сюжета. Сказителям последнего пятидесятилетия, и особенно сказителям советского времени, этого, оказывается, недостаточно. Действия героя должны быть психологически оправданы.

Так, в сказке М. М. Коргуева «Три царь-девицы» (№ 30), к текстам которого мы уже не раз обращались, родители отдают сына старику, потому что не могут его прокормить и выучить ремеслу; жена, чтобы получить от мужа волшебное платье, не просто его выпрашивает, а действует на самолюбие мужа: она одевается нарочно в самую плохую одежду, чтобы окружающие смеялись над его жадностью (см. примеч. А. Н. Нечаева, т. II, стр. 609).

Таких мотивировок не знала старая сказка. Совершенно так же психологизирован один из основных эпизодов сказки «Еруслан Лазаревич» (№ 36). Еруслан получает меч от головы Рослодея-богатыря, но из честолюбия, а с другой стороны, чтобы не потерять старшинства, не хочет обратиться к нему за советом, как убить Огненный Щит — Пламенное Копие. Такое описание переживания и колебаний героя необычайно показательно в интересующем нас плане.

В сказке «Андрей-стрелец» (№ 2) того же Коргуева, традиционное следование за разматывающимся клубком превращается в психологическое напряженное «хождение по мукам», как замечает А. Н. Нечаев в комментарии к этой сказке (т. I, стр. 618).

Об аналогичных процессах в области эпоса А. М. Астахова заключает: «Процесс этот — один из самых характерных для позднейшей стадии развития эпоса, и, главным образом, характерен для самых последних десятилетий» («Русский былинный эпос на Севере», стр. 77). И, действительно, например, в былине К. Д. Андреянова из Заонежья «Добрыня и Алеша», Добрыня уезжает из дома, т. к. «надоело добру молодцу в углу сидеть, любоваться своей молодой женой» (стр. 78).

В былине П. Г. Горшкова из Космозера «Илья Муромец и Сокольник», когда Илья замахивается на неузнанного сына, последний закрывает глаза рукой от «страсти»; после боя Илья «измучился», напала на него «лень страшная»; сын с досады, что отец узнал его по перстню, бросает перстень в грязь и т. д.

В былине «Добрыня и Алеша» пудожской сказительницы Е. С. Журавлевой дается новая психологическая мотивировка извещения Добрыни о свадьбе его жены с Алешей голубями-вестниками: они летят не сами, а посылаются женой Добрыни (Былины Пудожского края, стр. 452).

А. М. Пашкова в былинку «Дунай» вводит характерный эпизод: литовский король в самый напряженный момент развития действия предается горю и отчаянию.

У///и

Он упал да на кровать да на тесовую,
Залился король да горькими слезами и т. д.

(Былины Пудожского края, № 49).

В ее же былине о Чуриле, Чурила поддается соблазну потому, что ему изменила «любушка» и т. д.

Сказителей все больше и больше интересуют психологические причины поступков их героев, их переживания и чувства.

В то время, как в былинах героического содержания случаи психо-

логизации единичны и неглубоки, их надо специально разыскивать, — в былинах-новеллах, насыщенных, главным образом, этической проблематикой, они представлены обильнее, встречаются даже случаи, когда психологическая разработка ситуации выдвигается на первый план, становится как бы важнее самого сюжета, события и поступки действующих лиц служат едва ли не просто отправными пунктами для развития психологических мотивов. Подобные случаи связаны, правда, с сильно индивидуализированными вариантами двух замечательных сказительниц Карелии И. А. Федосовой и Н. С. Богдановой, однако это не ставит эти тексты вне закономерностей общего развития.

В былине Федосовой «Добрыня и Алеша» сказительницу чрезвычайно занимает психологическая суть каждой ситуации, которая складывается в процессе развития действия. Рассказывая, например, о прощании Добрыни с родными, она подробно вырисовывает разницу между переживаниями матери и жены Добрыни и т. д.

Совершенно такая же картина и в ее плачах. Так, из плача «О потопших» мы очень мало узнаем об оплакиваемых покойниках-потопших: Федосову волнуют переживания девушки, выброшенной на безлюдный остров и оставшейся в живых. Она мечется по берегу, вне себя от ужаса потери отца и брата, гадает, в какой же стороне ее дом; ждет смерти, пока не спасают ее случайно услышавшие ее голос рыбаки.

В другом плаче «По брате родном» Федосову интересуют переживания сестры покойного, родные которой не верят в искренность ее чувств и т. д.

Во всех приведенных примерах ясно ощущается потребность сказителей как бы «оживить» и «очеловечить» своих героев, понять их личные побуждения, чувства.

Психологизация, раскрытие внутреннего мира героев — одно из важнейших завоеваний русского устного народного творчества.

Русские сказители Карелии проделали большой путь в этом направлении, и в лице Федосовой, Богдановой и ее учеников (см. работу В. И. Чичерова — Школы сказителей Заонежья), в лице Коргуева, Господарева, Пашковой и многих других добились на этом пути замечательных успехов.

* * *

Развитие приемов социально определенного образного мышления, бытовой конкретизации обобщенного и психологизации основных образов и ситуаций приводит к выработке важнейшей категории реалистического искусства — категории характера.

Исследователи русского фольклора неоднократно отмечали стремление современных сказителей к усложнению традиционных сюжетных схем, былин и сказок, сплетению двух, а иногда и трех сюжетов воедино, введение новых мотивов и эпизодов, т. е. стремление к тому, что в специальной литературе называется «контаминированием». Совершенно справедливо отмечался в основном творческий характер таких контаминаций. Однако следует изучить не только их природу, но и направленность, их историко-фольклорный смысл.

Как справедливо отмечает А. М. Астахова, все случаи контаминации былин можно разбить на две большие группы — первая из них зиждется на биографическом принципе. Воедино объединяются сюжеты, повествующие о подвигах одного богатыря.

Так создались большие «сводные» былины об Илье Муромце, так объединяются воедино бытовавшие ранее былины о Добрыне, Василии Буслаевиче и других богатырях. Возникает былина о детстве Ильи Муромца, о его женитьбе, о гибели богатырей и т. д.

Вторая группа — контаминации, построенные по принципу нанизывания различных, иногда даже разнородных приключений. Этот принцип особенно культивировался Толвуйско-Космозерской школой (по классификации В. И. Чичерова), крупнейшим представителем которой был известный Калинин. Так, например, в его былине «Садко и Вольга» (Гильф., № 2) связываются в одну цепь несколько сюжетов — спор Садко с Новгородом, бой на Волховском мосту, Вольга и Микула, состязание конями и поездка Буслаева (Вольги).

Обе группы объединяет ослабление интереса к единичному подвигу. Центр тяжести переносится в первом случае на образ богатыря, во втором — на сюжет, построенный авантюрой.

Для нас особенно интересна первая группа (тем более, что на нее падает около 89% всех контаминаций), в которой образ богатыря становится важнее его единичного подвига. О богатыре нужно узнать все — от его рождения до смерти (см. вариант П. Г. Горшкова), важен характер богатыря, который проявляется в его подвигах.

Параллельно создаются новые былины, повествующие о встречах, ранее не сталкивавшихся друг с другом богатырей — Дюк встречается с Ильей (Рыбников, № 130 и 131; Гильф., № 218), Бутман с Васькой-пьяницей, т. е. чувствуется необходимость выяснения взаимоотношений между богатырями в процессе дальнейшего дифференцирования их характеров.

Не случайно большинство контаминаций падает на двух центральных героев русского эпоса — Илью Муромца (35%) и Добрыню (22%).

Совершенно таков же характер и сказочных контаминаций, хотя и следует отметить, что в сказке обильнее случаи усложнения сюжета ради усиления его занимательности.

С другой стороны, сказка добивается обрисовки характера и иными средствами.

В сказке Коргуева (№ 22) «Матюша Пепельной — Налитуровый колпак» герои, как отмечает А. Н. Нечаев, уже не сказочные «маски» — носители определенной идеи, а яркие, сатирические зарисовки социальных образов. Сказка строится на столкновении двух характеров — царевича и слуги, наделенного «волшебной силой» (т. 1, стр. 639).

В сказке «Учитель и ученик» нарисован замечательный образ любящей матери, который устойчиво проходит через всю сказку. Большая вдова не хочет отдавать сына на тяжелую работу, потому и идет на многие жертвы и т. д. Однако следует подчеркнуть, что характеры героев, несмотря на свою яркость, в большинстве своем еще примитивны. Они примитивны, прежде всего, в силу своей статичности, в них нет не только развития, но и просто движения. Герои совершают подвиги, переживают приключения, но сами остаются прежними, их качества не изменяются. Тем не менее, это огромное завоевание и тем самым большая заслуга русских сказителей Карелии, бывших ведущим отрядом русских сказителей и в этом отношении.

Я не имею возможности подробно останавливаться на других проблемах, связанных с вызреванием элементов реализма в русском народном творчестве и с ролью русских сказителей Карелии в этом процессе.

Укажу лишь на две стороны этого процесса, не анализированные мною выше:

1) Стирание жанровых границ. Более или менее четкое деление на жанры становится с течением времени весьма условным. Жанры, связанные прежде с обрядом, отрываются от него и приобретают самостоятельную художественную функцию. Стирается граница между былиной и балладой, а для юга России — даже между былиной и лирической песнью. Сказочные сюжеты подчас перепеваются былиной, былины нередко рассказываются сказкой. Создается обширный жанр сказа, включающий в себя трансформированную былину, трансформированную сказку, песню, причитание.

2) Фольклорный процесс становится все менее стихийным и все более сознательным. Все чаще появляются сказители, осознающие себя не только исполнителями, но и творцами, сознательно вмешивающиеся в текст исполняемых ими традиционных произведений — Федосова, Сорокин, Шеголенок, Богданова, Пашкова и др.

В советское время это выливается в широкое новотворчество в большинстве традиционных жанров.

* * *

Перехожу к некоторым проблемам русского советского фольклора Карелии. В данном случае я разумею произведения на советскую тематику; о судьбе традиционного фольклора в советское время я уже говорил.

В советское время, давшее невиданные дотоле возможности развития народных талантов, необыкновенно оживляется новотворчество. Нельзя указать другие 30 лет в истории русского фольклора, которые дали бы такое количество новых тем, новых сюжетов, так обновили бы репертуар русского крестьянства Карелии.

Процессы, протекавшие в дореволюционные годы с медленностью геологических процессов, в советское время становятся заметными без специальных изучений. Устное творчество, претерпевая не меньшие изменения, чем все другие области экономической, общественной и духовной жизни крестьянства, приобретает совершенно новые качества. Повышается общественный интерес и внимание к проблемам фольклора. Фольклористами, работавшими в Карелии в 30-х — 40-х гг., собирается и издается такое количество произведений устного народного творчества, какое не было собрано и издано тремя поколениями дореволюционных фольклористов. Русские сказители Карелии становятся известными далеко за пределами республики. Сказители выходят из узкого, ограниченного семейного или, в лучшем случае, сельского мирка; они обретают всеобщую аудиторию — их не столько слушают, их читают, их видят в кино и слышат по радио. На всесоюзных, республиканских конференциях они встречаются со сказителями других областей и республик. Все это необычайно повышает роль русских сказителей Карелии в общерусском народном творчестве. Выйдя на всесоюзную арену, сказители поняли всю ответственность стоящих перед ними задач. На внимание и заботу партии и правительства они, каждый в меру своих сил, ответили созданием песен, сказок и былин, отражающих дела и дни великой сталинской эпохи.

В центре новотворчества — два героя нового советского эпоса —

Ленин и Сталин, в центре внимания сказителей — великие перемены, происходящие в нашей стране, их излюбленная тема — любовь к Родине, верность советскому народу.

Новая тематика, новая жизнь требовали новых стилистических средств, требовали выработки новых приемов художественно-образного мышления.

Наступает заключительный эпизод сближения двух великих культур художественного слова — книжной и устной; и та и другая своими средствами, все больше сближаясь друг с другом, вырабатывают методы новой реалистической системы — социалистического реализма.

Русским сказителям Карелии принадлежит в этом движении роль передового отряда. Здесь делаются первые попытки создания былин на советскую тематику (Пашкова, Рябинин-Андреев, Фофанов, Туруев, Журавлева, М. К. Рябинин и др.), здесь складываются одни из первых советских сказок (Конашков, Господарев, Свинын и др.), складываются стихотворные сказы о вождях и героях (Пашкова, Журавлева, Конашкова, Ватчиева, Быкова и др.), плачи о Ленине, Кирове, Крупской, Калининне, героях Отечественной войны, павших в боях за Родину.

Процессы, намеченные нами в предыдущем изложении, находят свое закономерное завершение.

Подводя итоги длительному пути развития русского фольклора Карелии, советский русский фольклор Карелии явился одновременно и качественно новым этапом его развития.

В процессе новотворчества резко изменяется вековое соотношение личного и традиционного в фольклоре, наиболее одаренные сказители осознают себя творцами, осознают свою роль в развитии народного творчества. Характер их творчества во многом приближается к творчеству советских писателей.

Наивная вера в правдивость сказки и былины уступает место сознательному использованию сказочной и былинной формы, как стилистического средства. Отсюда все усиливающееся аллегорическое толкование старой сказки, создание новых сказок — аллегорических в полном смысле этого слова — «Самое дорогое» Конашкова, сказок Господарева «Как мужик и рабочий правду искали», «Красные орлята», сказки Свинына «Ледяное царство» и др.

В советское время проблема характера получает свою дальнейшую разработку не только на традиционном, но и на новом, советском, по своей тематике материале. В новых сказках уже нередко динамично построенные образы героев. Правда, в героических сказках типа коргуевского «Чапаева» центральный образ попрежнему статичен, однако, в цикле сказок, повествующих о перерождении сознания людей, объединяющих эти сказки с большой темой воспитания нового сознания в советской литературе, налицо совершенно новое, несвойственное старому фольклору движение характера.

Так, в сказках Господарева — «Как мужик и рабочий правду искали» или «Как Марья с Иваном сравнялись», в сказке Конашкова «Самое дорогое» — герои, переживая серию приключений, меняются и сами, становятся советскими людьми, приходят к новым убеждениям. Сюжет в этом случае — средство для вырсовки процесса формирования их сознания. Это уже в полном смысле слова — реалистические сказки, это качественно новый этап развития русской сказки.

Былина приобретает все больше лирических черт, сливаясь со стихотворным сказом. Большое будущее имеет новая песня, рожденная

советским временем. Песни, написанные советскими поэтами, становятся народными, записываются в тысячах вариантах, перетекстовываются, шлифуются и улучшаются всем народом. Так, по подсчету проф. И. Н. Розанова в годы Великой Отечественной войны бытовало не менее 42 разновидностей известной песни Исаковского «Катюша».

С другой стороны, на наших глазах начинают распространяться песни сказителей-песенников. Так, например, песни беломорского песенника Ф. И. Башмакова «Ковер-самолет», «Ковер» и другие уже поют во многих селах Беломорья; они известны в Петровском районе, поются в Архангельской области. Исполнение их Петровским хором и «Кантеле-ансамблем» обеспечат им дальнейшее распространение.

Подводя итоги всему сказанному выше, мы можем дать предварительное определение роли русского фольклора Карелии в русском народном творчестве: она выразилась в том, что русские сказители Карелии были в первых рядах создателей нового в фольклорном процессе последнего столетия; сохраняя наследство, они умели не «ограничиваться наследством», активно участвовали в движении к новым, еще более высоким формам реалистического искусства.

В. Я. ЕВСЕЕВ

РУНЫ «КАЛЕВАЛЫ» И РУССКО-КАРЕЛЬСКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ СВЯЗИ

Вопрос о русско-карельских фольклорных связях, и главным образом об отношении русского героического эпоса к карельским вариантам 'рун «Калевалы» может быть поставлен в плане выявления причин общности ряда мотивов и сюжетов у народов северо-западных окраин СССР и прежде всего у карел и русских. Только материалистическая постановка вопроса о влиянии общих социально-экономических условий жизни русского и карельского народов на сходное формирование идеологии этих народов, в том числе и эпоса, может уберечь от опасности космополитизма в разрешении сложных проблем.

Настоящая работа посвящена проблеме о том, как сходство условий при сменах идеологии русского и карельского народов, выразившееся, в частности, в тематике русских былин и карельских рун, привело в процессе развития карельского и русского эпоса к схождению мотивов и сюжетов этих фольклорных произведений.

В заключительной части работы я касаюсь некоторых вопросов развития исторических песен и эпических новообразований карельского народа и русского населения Карелии на советскую тематику и отмечаю на конкретных примерах, как в этих случаях выражается общность в тематике новых песен карельских и русских сказителей нашей республики.

* * *

Русский фольклор, развиваясь с карельским по соседству в сходных социально-экономических условиях, оказал благотворное влияние на карело-финское устное народное творчество.

Исследователей-фольклористов неоднократно интересовала проблема общих мотивов в карело-финском и русском эпосе. Большинство филологов методологически порочными путями приходило к заключению, что наличие общих мотивов в рунах и былинах объясняется заимствованием. Однако, не отрицая бесспорного факта некоторого влияния более развитых народов на другие, отставшие в своем развитии, народности, я считаю необходимым указать на то, что прямые заимст-

ования духовных ценностей не являются основным результатом культурного воздействия одного народа на другой.

Основной причиной возникновения общих мотивов в фольклоре разных народов, несомненно, являются сходные социально-экономические условия жизни этих народностей. Так, например, между космическими легендами славян, литовцев, латышей и космогонией рун «Калевалы» очень много общего в силу переживания одних и тех же стадий развития мышления. Руна о возникновении мира от разбившегося яйца удивительно совпадает с соответствующими болгарскими религиозными представлениями о вселенной. Следовательно, и здесь почти исключена возможность заимствования.

Если считать доказанным тот факт, что в фольклорных произведениях первобытные общины своеобразно олицетворяются великанами, то не удивительно, если «мотив о великанах известен в кабардинском эпосе, мингрельском, дагестанском, осетинском, а также у многих других народов, в частности, — у финнов, карелов, сербов, русских, румын, французов, немцев, арабов и других. Каждый раз этот мотив имеет свои особенности, характеризующие те или иные общественные формации и быт различных стран».¹ (Появление общих фольклорных мотивов у всех перечисленных народов нельзя объяснить в свете теории заимствований).

Второй, наиболее существенной, причиной возникновения одинаковых фольклорных мотивов у разных народов является взаимное воздействие друг на друга самозарождающихся произведений устной народной поэзии разных этнических образований, что также возможно лишь тогда, когда сходные социально-экономические условия жизни расселенных по соседству народностей приводят к установлению прочных культурных связей между ними.

В конце прошлого столетия финский буржуазный филолог Ю. Крон рисовал наивную картину усвоения фольклорных произведений одним народом от другого. Будучи вооружен порочной методологией, Ю. Крон явно упрощал проблему; впрочем, и после него представители финской историко-географической школы фольклористов объясняли фольклорные связи у разных народов лишь внешним фактором обмена фольклорными произведениями.²

Руны «Калевалы» многими западно-европейскими исследователями объявлялись сплошным заимствованием из скандинавских эпических сказаний. Даже в русских былинах они находили одни лишь переделки произведений варяжского эпоса. Некий финский филолог Э. Райло писал: «Ведь былинная поэзия, коротко говоря, восходит к варяжскому героическому эпосу. Древне-скандинавская поэзия проникла в финские края со всех направлений, будучи известной далеко на севере».³

Также голословно и политически тенденциозно звучит вывод и другого скандинавского филолога Стан. Рожнеки о том, что будто бы Илья Муромец, которого в былинах называют жителем города Муром, первоначально мыслился выходцем с Мурманских берегов, т. е. нормандцем-норвежцем.⁴

¹ Сб. «Академия наук СССР академику Н. Я. Марру». Л., 1935, стр. 559.

² J. Krohn. Suomalaisen kirjallisuuden historia. I. Kalevala, Helsinki, 1883, стр. 346.

³ E. Railo. Sampojaaksoa lukiessa. «Kalevala seuran vuosikirja», 1939, стр. 57.

⁴ S. Rozniecki. Varagiske Minder i den russiske Helteedigtning. Kobenhavn, 1914, стр. 185.

Надо сказать, что нормандистская теория происхождения русского эпоса не пользовалась популярностью у русских фольклористов. В этом отношении статья Б. И. Ярхо справедливо осталась гласом вопиющего в пустыне.¹

Все эти утверждения о скандинавском происхождении русских былин и карело-финских рун построены на песке. В своей основе русский былинный эпос был вполне самобытным и остается таковым. То же самое следует сказать о карело-финском эпосе. При изучении же побочных факторов, отразившихся на его развитии, следует обратить внимание не только на запад, но и на восток.

Нижеизлагаемые фольклорные параллели дают нам основание утверждать, что культурно-историческое влияние русских былин на карело-финские руны, сопутствующее процессу самозарождения этих эпосов, можно датировать значительно более ранним периодом, чем это предполагал финский фольклорист К. Крон, когда он писал: «Займствованные из русских героических былин, которые возникли, главным образом, в окрестностях Киева, центра древне-русского государства, появились в рунах лишь после того, как эти былины вместе с переселенцами переместились в северную Россию».² Считая скандинавские и германские заимствования в финской устной народной поэзии более древними, чем мотивы, общие в карело-финских рунах и русском былинном эпосе, К. Крон по существу отрицал бесспорное влияние древне-русской культуры на складывавшийся в условиях прочных социально-экономических связей восточных славян и прибалтийско-финских племен карело-финский эпос. Однако в другом месте той же работы, противореча самому себе, К. Крон вынужден был признать, что в финских рунах переход к христианству нашел отражение через упоминание православного обряда крещения, поскольку термин *risti* «крест» появился в карело-финских рунах и вообще в прибалтийско-финских языках в качестве заимствования из русского языка.³

Между тем, отрицание влияния древне-русской культуры на самозарождающийся карело-финский эпос ведет к псевдонаучным теориям об образовании этого эпоса в результате механического перенесения скандинавских сказаний на карело-финскую и русскую фольклорную почву. Подвергая уничтожающей критике эти теории, акад. Н. Я. Марр вполне убедительно замечал, что, поскольку вопрос ставится о происхождении русских былин, то финны тут не причем. Согласно выводам акад. Марра, элементы русского эпоса возникли задолго до появления варягов в древней Руси, складываясь среди первобытного населения Восточной Европы, принявшего участие в образовании русской народности, которая использовала эпические сказания еще финнизированных и неславянизированных сарматов и русов для построения своей начальной легендарной истории.⁴

Одновременное существование первобытной общей собственности у этнических групп населения северо-восточной Европы являлось одной из причин, создавших тысячу лет назад основу для прочных взаимоотношений прибалтийских финнов и, в частности, карел и вепсов с предками русского народа — ильменскими славянами.

¹ Б. И. Ярхо. Илья-Илиас-Хильтебрант. Изд. Отд. русск. яз. Акад. наук, 1917, № 1.

² К. Крон. *Kalevalan kysymyksiä*, I, Helsinki, 1918, стр. 175.

³ Там же, II, стр. 239.

⁴ Н. Я. Марр. Избранные работы. Том V, стр. 357, 861.

В карело-финском и русском эпосе имеются несомненные доказательства того, что при первобытно-общинном строе «общий труд ведет к общей собственности».¹ Согласно многим вариантам рун, старый Вейнемейнен, кузнец Ильмаринен и другие герои «Калевалы» большим неводом, длиною в сотни сажень, сообща ловят больших щук и лососей. Таким же образом изображается ловля большой щуки в русской небылице:

Да сковали то уду нынь десять пудов,
Да бросили во славно Бело озеро,
Да хваталася щука приогромная,
Да немала, невелика-девьясто пуд.
Потянули то щуку нынь на вешной лед,
Да отсекли у щуки большу голову,
А отсекли у ей да праву ягодицу...
Пировали-столовали тут целы сутки.²

Подобно героям рун «Калевалы», сообща изготавливающим неводы и сообща же ловящим ими рыбу, поступают и богатыри былины, записанной в Пудожье.

Да тут этот Микулушка Селягинович,
А тут Вольга да Всеславович,
Повязали они неводы шелковыи,
А ту эту рыбашку повыловили.
А поладили петелки шелковыи,
А ту эту птичкушку повыдавили;
А поладили оружица цильнии,
А этних зверьев да повыстреляли.³

Сообща же, согласно некоторым вариантам карело-финских, а также, кстати, и эстонских рун, героями «Калевалы» убивается большой космический бык, от которого люди получают тысячи бочек мяса, поступающего в общий котел. Совершенно то же мы находим и в русской былине-скоморошине о большом быке⁴, отличающейся от рун большим количеством мотивов позднего происхождения. В частности, если в вариантах рун «Калевалы» большой бык изображается общеплеменной собственностью и называется обычно быком племени Еми, то большой бык русской былины-небылицы уже успел перейти от сельской общины во владение князя Ромодановича. Но и в русской былине этот большой бык поедается всей общиной сообща.

Если сопоставить этого большого быка с упоминающимся в рунах большим стадом, то напрашивается вывод об отражении в наиболее ранних мотивах песни о большом быке одной и той же первобытной общей собственности на стада. Эти моменты, естественно, были упущены финляндскими исследователями руны о большом быке.⁵

В карело-финском и русском эпосе своеобразно отразился и первобытно-общинный характер землепользования.

Однако образ чудесного сеятеля и пахаря и мотивы о вспахивании поля в карело-финском эпосе и русском фольклоре выступают не столько в своих сходных чертах, сколько в различии. Если в рунах

¹ История ВКП(б). Краткий курс. 1945, стр. 119.

² Печорские былины, записанные Ончуковым. 1904, стр. 311—312.

³ Онежские былины, собранные Гильфердингом, № 45.

⁴ Там же, № 297, 303.

⁵ К. Krohn. Runo isosta härästä. Valvoja, 1892, No. 4; O. Okkonen. Iso härkä. «Kalevala seuran vuosikirja», 1935, стр. 175—181.

«Калевалы» содержится изображение подсечного земледелия, то в русской былине о Микуле Селяниновиче дается картина пашенного земледелия. Такое различие появляющихся в рунах «Калевалы» и русских былинах мотивов о землепользовании отмечено в работе лауреата Сталинской премии акад. Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси».

Наконец, и сампо — эта чудесная мельница «Калевалы» — мыслится, как первобытно-общинная собственность, называясь то «большим», то «общим», то «нашим». Кстати, образ сампо также определенно связывается с древними финско-славянскими взаимоотношениями. Об этом писал составитель свода карело-финского эпоса «Калевалы» финский поэт и ученый Элиас Ленрот члену Российской Академии наук Гроту в своем письме от 2 января 1849 года.¹

В связи с этим необходимо обратить внимание на некоторую общность понятий чудесной мельницы «Калевалы» — сампо и упоминаемой в русских былинах сумки переметной, которую не могут поднять с земли старшие богатыри русских былин.

Следует напомнить, что герои рун «Калевалы» с трудом поднимают с земли сампо, пустившее корни в глубь скалы.

В некоторых русских былинах встречаются мотивы, более близкие к соответствующим эпизодам, описываемым в карельской руне о похищении сампо. В донских и сибирских вариантах, а также в приводимом уже Буслаевым варианте былины о гибели Ильи Муромца, говорится о том, как Илья Муромец с Добрыней поплыли на корабле по широкому морю, как они потом спасаются от преследования огромного сизого орла.

Хотя этот мотив появляется лишь в нескольких вариантах и имеет, видимо, южно-русское происхождение, тем не менее нельзя совершенно игнорировать факт его совпадения с соответствующим мотивом карельской руны. Финский филолог Ю. Крон считал, что этот мотив былины находится в какой-то связи с руной о борьбе за сампо, разгоревшейся между Вейнемейненом и хозяйкой Похьелы, преследующей в обликии орла героев «Калевалы».²

Несколько своеобразно мотив о чудесной мельнице появляется и в русском фольклоре, переплетаясь с мотивом об огромном дубе. Согласно одной русской сказке, в избе старика, от жолудя, пробившегося сквозь потолок, вырастает дуб до самого неба. Старик залезает по дубу на небо и получает там чудесную мельницу. Здесь дуб, выступая как самобытный образ оригинальной русской сказки, эквивалентен той ели, на которой ветер относит героя «Калевалы» — кузнеца Ильмаринена в Похьелу ковать сампо.

Сходство отдельных архаических мотивов карело-финских рун и русских былин обусловлено не только общностью отражения одинаковых у древнего населения северо-восточной Европы способов производства и имущественных отношений, но и общностью отражения одинаковых форм общественной жизни и быта этого населения.

Фридрих Энгельс неоднократно указывал, что характерной особенностью матриархата является т. н. групповой брак. Он нашел свое отражение не только в карельских рунах. Глухой отголосок этого явления сохранился даже в былине о смерти Чурилы, хотя в дошедшем до нас звучании эта былина является качественно совершенно иным

¹ Архив ИИЯЛ К.-Ф. Базы АН СССР.

² J. Krohn. Suomalaisen kirjallisuuden historia, I, Kalevala. Helsinki, 1884, стр. 320.

фольклорным образованием, отражающим на много более поздние, по сравнению с групповым браком, отношения людей. Перед нами появляющийся в отдельных южно-карельских вариантах рун мотив о красивой Катерине, которая по некоторым вариантам уходит от кузнеца Ильмойллине к чурам. Для сравнения приведем отрывки из одной записанной в Пудожском районе былины:

Приехал Чурила к Вельминому дому...
Выходит, выбегает Катеринушка...
Брала за ручки за белыи.
За его перстни за злаченныи,
Повела его в спаленку теплую...
Взял то Вельма да саблю вострую,
Отсек то Чурилы буйну голову.¹

Эта былина о смерти Чурилы обнаруживает не только общие черты с соответствующей руной, но и различие с ней. Проводя параллель между тремя основными образами русской былины и карельской руны, мы еще не собираемся выдвигать новую теорию о месте и времени возникновения русской былины о смерти Чурилы, коренным образом отличающейся от соответствующей карельской руны. Если руна, в которой упоминаются Катерина, кузнец Ильмой и Чуры, продолжает оставаться в некоторой мере отражением еще группового брака, то в былине мы имеем феодально выраженную трактовку темы о Чуриле и Катерине, жене Вельмы или Бермята.

Огромное различие существует между былинным Вельмой и карельским кузнецом Ильмой, хотя, оказавшись в одинаковой сюжетной ситуации, имена этих героев в порядке поздней этимологизации, возможно, уже начали уподобляться, что видно из того, что из более распространенного «Бермят» образовалось былинное имя «Вельма», фонетически более близкое к имени кузнеца Ильмой. Однако, если первый характеризуется в былине как представитель вполне развитого феодального общества, то второй сохранил в себе многие черты первобытного человека.

Кузнец Ильмойллине подобно упомянутым карельским Чурам, отражающий явные черты тотемизма в ряде вариантов рун еще не антропоморфизировался и часто выступает в виде птицы. В нескольких вариантах этой руны он так и называется — «кузнецом Ильма-птицей». В одном варианте руны² о творении он назван уткой (кар.-фин. *sotka*):

Sotkosen' on Ilmolline
Nägi vanhan Väinön polven,
Tuohonba muni munasen.

Сотка-утка Ильмойллине
Увидел колено старого Вейне
И тут он снес яйцо.

В данной связи приходится отвергнуть появляющееся у ряда исследователей былин сопоставление имени Вейнемейнена с былинами о Садко. Это печальное недоразумение основано на том, что исследователям былин была известна только «Калевала» Ленрота.

Русский филолог Вс. Миллер без особых на то оснований говорит о влиянии на былинку о Садко рун «Калевалы» об игре старого Вейнемейнена на музыкальном инструменте — кантеле.³ Лыстящая национальным чувствам финского филолога эта точка зрения Вс. Миллера

¹ Онежские былины, собранные Гильфердингом, № 67.

² Suomen kansan vanhat runot, I, No. 18.

³ Вс. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. Былины, т. I.

была некритически воспринята Ю. Кроном.¹ Но уже у русского ученого И. Э. Мандельштама² имеются возражения Вс. Миллеру в части утверждения о влиянии соответствующих мотивов карело-финских эпических песен на русскую былинку о Садко.

Наконец, лишь А. М. Астахова, говоря об условиях возникновения былинки о Садко, совершенно правильно замечает: «Здесь мы должны говорить о поэтических аналогиях, вызванных общностью творческого процесса в условиях определенной общественной стадии».³

Если учесть, что в отдельных вариантах карельских рун играющим на кантеле выступает не только Вейнемейнен, но и кузнец Ильмаринен, то уже одно это обстоятельство заставляет усомниться в возможности сопоставления образа гусляра Садко исключительно с образом старого Вейнемейнена.

Однako в отдельных случаях обнаруживается возможность установить взаимосвязь между образами героев былин и рун «Калевалы». Впрочем, сразу же следует оговориться, что мы далеки от стремления доказать местное происхождение былин, вне учета социальной обусловленности их происхождения. Наша задача — наметить лишь стадиальную взаимосвязь в развитии былин и рун. Наличие общего фонда сюжетов, образовавшегося на соответствующих стадиях общественной формации, даже без заимствования, дает возможность появлению одинаковых по содержанию песен у разных народов.

В частности, упоминаемые в эстонских и карело-финских эпических песнях сыны Калевы не без оснований сближаются со старшим богатырем русского былинного эпоса, который в разных вариантах былин называется то Колываном, то Самсоном Колывановым, то Святогором Колывановичем.

Сопоставление героев карело-финских рун — сынов Калевы и русского былинного Колывана выдвигается не впервые. Многие исследователи-филологи видели нечто общее в этих эпических героях. Сторонники скандинавского происхождения карело-финских рун пытались отвергнуть взаимосвязь с русскими былинами при помощи ссылок на исландский эпос. Но при объективном подходе к разбираемому вопросу становится очевидной абсурдность теории о скандинавском происхождении сынов Калевы карело-финского эпоса и богатыря русских былин Колывана. Если Скульфингом в исландской младшей Эдде называется воинственный конунг, который управлял страной на востоке, т. е. среди прибалтийских финнов, то вполне допустимо, что это — искаженное имя Калевы, и Эдда восприняла предания о нем от самих прибалтийских финнов, в частности — от карел и вепсов, а может быть даже от славян, у которых уже до образования русского государства могли существовать мифологемы об одном из трех старших русских богатырей — о Колыване, чье имя отразилось в древне-русском названии столицы Эстонской ССР — Таллина (Колывань). В скандинавском фольклоре земля кюльфингов отождествляется с упоминанием в нем же Гольмгардом, т. е. с Новгородом. Да и сам термин «кюльфинг», безусловно, восходит к упоминаемому в Новгородской Правде термину «кольбяг».

В противном случае остается недостаточно обоснованной связь этих

¹ J. Krohn. Suomalaisen kirjallisuuden historia, I. Kalevala, стр. 319, 460—461.

² И. Э. Мандельштам. Садко—Вейнемейнен. Журн. Мин. Нар. Просвещения, 1898, № 2.

³ А. М. Астахова. Былины Севера. Том I, стр. 626.

названий с именами карело-финского эпического персонажа — сына Калевы и русского былинного Колывана. Не исключена возможность того, что кольбягами, в некоторой мере, были славянизовавшиеся и обрусевшие дружинники из древне-финского племени веси.

Кстати, сын Калевы карело-финских рун имеет своих тезок не только в русских былинах о богатыре Колыване, но и в русских летописях. В летописи Авраамки под 1357 годом упоминается дружина Самсона Колыванова, в первой новгородской летописи под 1371 годом говорится об Олександре Колыванове.

Варианты карело-финских рун о сыне Калевы — Куллерво обнаруживают схождения с русскими былинами и народными песнями, не только по линии имен героев, но и по сюжетной линии. Если Куллерво, будучи на войне, получает вести о смерти отца, матери и жены, то, согласно русской народной балладе, печальную весть о том, что:

Отец с матерью при смерти,
Молода жена скончалась, —

получает сидящий в темнице добрый молодец.¹

Сюжет руны, рассказывающей о том, как Куллерво, сын Калевы, или в других случаях Туриккайнен, либо Туритуйнен, соблазняет свою сестру, не узнав ее, встречается в русской балладе о братьях-разбойниках и сестре и, между прочим, иногда приурочивается к имени Алеши Поповича, который, узнав у освобожденной от татар девушки, что она его сестра «дочь попа из Ростова», заявляет: «Я думал подыскать невесту, нашел свою сестру».² Кстати, в отдельных вариантах рун девушка также ссылается на то, что «род мой был велик и знатен, из поповского я рода».³

Мотив «соблазненной сестры» появляется равным образом в вариантах рун применительно к имени другого героя «Калевалы» — веселого Лемминкяйнена. Зародившись самостоятельно, этот мотив мог в сознании двуязычных сказителей перекликаться с русской былинной о Добрыне. Подобно матери Лемминкяйнена мать Добрыни отговаривает сына от дальней поездки, предупреждая о трех препятствиях в пути. И Лемминкяйнен, и Добрыня благополучно преодолевают эти препятствия. Наконец, мотив чудесного превращения одинаково характерен для рун о Лемминкяйнене и былин о Добрыне.

Былины о Добрыне содержат и ряд других мотивов, напоминающих соответствующие мотивы карельских эпических песен. Появляющийся в одной русской былине мотив о том, как Добрыня просит у смерти два года, сроку (Рыбников, ч. II, № 9) можно сопоставить с мотивом записанной нами в нескольких вариантах южно-карельской руны о том, как кузнец Ильмойллене просит у смерти срок для приготовления гроба; но в той же руне мотив примерки гроба следует сравнивать с соответствующим мотивом русской былины о Святогоре, о чем подробнее речь будет ниже. Впрочем, мотив об испрашиваемом у смерти сроке нельзя считать прямым заимствованием из русской былины о Добрыне, поскольку в фольклоре многих народов (в частности, в тюркской легенде об удалом Домруле) как вполне самобытное явление встре-

¹ «Русская баллада». Москва, 1936, стр. 293.

² Песни, собранные Киреевским, II, стр. 80. Сравн. у Кириши Данилова № 21, а также у Соболевского «Великорусские народные песни», I, № 292—293.

³ K. Krohn. Kalevalan runojen historia, стр. 704.

чается мотив о дарованных смертью герою дополнительных годах жизни.

С заимствованием мы имеем дело тогда, когда сюжет русской былины о Добрыне и Алеше Поповиче становится сюжетом карельской сказки (например, у карельской сказительницы Лебедевой из села Падан)¹ или исполняется на карельском языке в качестве былины сегозерским сказителем из села Сельги Т. Туруевым, который и на карельском языке воссоздает ритмический рисунок русской былины о Добрыне Никитиче. В обоих случаях переложение былинного сюжета «Добрыня Никитич и Алеша Попович» на карельский язык достаточно точно передает сюжетные ходы и ситуации русской былины-новеллы о муже на свадьбе своей жены. Любопытно, что в некоторых сказочных образованиях старой записи на карельском языке Алеша Попович подвергся метаморфозе. В качестве Алеши Поповны он выступает, как умная жена Верды Хордана — двойника былинного Ставра Годиновича. Таким образом, в карельском фольклоре нашел свое место и сюжет русской былины о муже, поплатившемся своей свободой за то, что он хвастался своей женой, которая в конце-концов хитростью освобождает своего мужа из заключения.

Было бы неверно утверждать, что финские исследователи во всех случаях отрицали русско-карельские фольклорные связи между карело-финским и русским эпосом. Но и частичное признание этих связей в их работах носит на себе печать тенденциозности.

Частично использованную в «Калевале» применительно к руне о повторном сватовстве кузнеца Ильмаринена руну о сыне Коенена финские филологи Ю. Крон и К. Крон² считали прямым заимствованием из русской былины об Иване Годиновиче, жестоко расправившемся с взятой им через умыкание и изменившей ему женщиной. Финские исследователи рун «Калевалы» не могут допустить мысль о том, что среди предков прибалтийских финнов могло возникнуть такое, свойственное будто бы лишь русским, воспевание расправы мужа с женой. Между тем, мотив об умыкании и о расправе с женщиной может возникнуть на соответствующей стадии развития в разных местах самостоятельно, в качестве непосредственного отражения сходных социально-экономических условий жизни разных, хотя и соприкасающихся друг с другом, этнических образований.

Впрочем, русская былина об Иване Годиновиче и карело-финская руна об Иване, сыне Коенена, развивались не без взаимовлияния друг на друга, на что указывает не только совпадение сюжетной коллизии, но и совпадение имен. Дело в том, что не только Иван Годинович соответствует Ивану, сыну Коенена, но и жертва этого героя, как в русской былине, так и в карело-финской руне одинаково носит имя Олены. Согласно существующим записям, сын Коенена называется Иваном преимущественно в вариантах, записанных в селениях ленинградских финнов: Хева, Коприна, Лиссиля, Парвуси, Сойккола, на Карельском перешейке и в селениях Западной Карелии. Оленой же называется девушка, оказавшаяся жертвой сына Коенена, главным образом, в северо-карельских вариантах руны. Однако следует учесть то, что между фольклорной традицией северных карел и ленинградских финнов су-

¹ Архив ИИЯЛ К.-Ф. Базы АН СССР.

² J. Krohn. Suomalaisen kirjallisuuden historia, I. Kalevala, стр. 348—349; K. Krohn. Kalevalan runojen historia, стр. 321—331; K. Krohn. Kalevalan kysymyksiä. I, стр. 98, 100, 103.

ществует большая связь, чем между их традицией и традицией южных карел.

Поскольку карелы, как и русские, были знакомы с укладом патриархальной семьи, постольку им не было надобности заимствовать в руны о сыне Коенена соответствующие мотивы от соседей. Можно говорить лишь о том, что славяно-финские связи сказались лишь композиционно на развитии руны о сыне Коенена, которая в силу различия общественных укладов у русских и карел в то же самое время и отличается от русской былины об Иване Годиновиче, записанной на севере России, главным образом в Заонежье, Пудожском крае, на Мезени, Пинеге и Печоре.

Таким образом, не только отдельные мотивы, но и целые сюжеты карело-финских рун в отдельных случаях близки к сюжетам русских былин. Однако, если, несмотря на утверждение отдельных финских и русских исследователей-филологов, былина о Садко не полностью сходна с соответствующей карело-финской руной о старом Вейнемейнене, то и русские былины о Хотене, об Иване Годиновиче нельзя считать, вопреки мнению финских ученых Ю. и К. Кронов¹ и Мансикка², прямыми источниками карело-финских рун о сыне Коенена и поповиче Ховатице.

Вернее будет, если скажем, что и русская былина об Иване Годиновиче и карельская руна о сыне Коенена первоначально возникли, правда, не без некоторой взаимосвязи, непосредственно из социально-экономических условий эпохи разложения родового строя. Конечно, после своего возникновения мотивы и сюжеты этих рун и былин продолжали развиваться и качественно изменяться.

Анализированные выше случаи схождения то отдельных мотивов, а то и целых сюжетов русского и карельского эпоса находят свое объяснение в процессе сложного культурного взаимодействия древних славянских и финских этнических групп. Вероятнее всего, во всех вышеперечисленных случаях действовал закон конвергенции, закон самостоятельного развития таких идеологических надстроек, как эпос на базе конкретных социально-экономических условий. Но действие этого закона даже в вышеуказанных случаях осложняется взаимодействием территориально близких, но этнически разных культур.

Однако имеются случаи и более прямого влияния русского фольклора на карельский. В этом отношении сюжеты русских былин об Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Дюке Степановиче в сказочном изложении на карельском языке являются свидетельством дальнейшего расширения рамок карельского фольклора за счет произведений русской устной народной поэзии. Но и эти случаи осложнены явлениями конвергенции.

Мы являемся очевидцами интересных, хотя и довольно поздних, случаев рассказывания русских былин на карельском языке в сказочном изложении многими сказителями различных районов Карелии. Первые записи и публикации пересказов русских былин на карельском языке относятся к XIX веку.

Во всех этих случаях мы имеем дело с неграмотными сказителями-

¹ J. Krohn. Suomalaisen kirjallisuuden historia, I. Kalevala, стр. 348—349; K. Krohn. Kalevalan runojen historia, стр. 321—331; K. Krohn. Kalevalan kysymyksiä, I, стр. 98, 100, 103.

² Finnisch-Ugrische Forschungen, VI, стр. 40—65.

карелами, которые могли усвоить былины лишь из устных источников русского Севера уже несколько веков тому назад при посещении ими традиционной Шуньгской ярмарки, славившейся по Карелии еще в XVIII веке. Усвоение и перевод на карельский язык русских былин из литературных, печатных источников в данном случае почти исключены.

В наибольшем количестве вариантов на карельском языке представлено сказочное изложение русской былины об Илье Муромце. Особенно широко распространена эта былина среди карел южных районов республики. Сказка про Илью Муромца записана от сказительницы-карелки дер. Лазарево Сегозерского района К-ФССР М. И. Морозовой. Однако про Илью Муромца рассказывают в Карело-Финской республике не только на карельском, но и на вепсском языке. Так, в дер. Низово Шелтозерского района от сказителя вепса В. Ф. Мякишева записаны сказки про Илью Муромца, Вольгу Святославича и Микулу Селяниновича.

В Коткозерском сельсовете Олонецкого района К-ФССР, в деревнях Тихонсельга и Виллала сказочное изложение этой былины записано в 1936 г. от сказителей-карел М. Ф. Филиппова и Н. А. Артемьева.¹ В Медвежьегорском районе сказка на сюжет былины об Илье Муромце мною записана в 1936 г. от певца рун П. Прокопьева, а в 1939 г. записана от ведлозерской сказительницы А. Вороновой. В вариантах сказки, записанных в том же году в Ведлозерском районе от 79-летнего сказителя-карела С. И. Иванова и в селе Пелдожи Пряжинского района от сказителя Гордеева,² богатырь русской былины назван Ильмой Мурумцем, т. е. его имя сблизается по своему звучанию к имени героя рун кузнеца Ильмаринена, о котором тот же сказитель Гордеев поет эпическую песню. В Пряжинском районе сказка об Илье Муромце в контаминации с сюжетом «Аника-воин»³ записана по-карельски от Фролова; она содержит некоторые мотивы, напоминающие странные места в былинах, записанных Рыбниковым от кижского сказителя Абрама Чукова,⁴ по прозвищу Бутылка, карела, исполнявшего былины на русском языке. Во всяком случае имеющиеся в одной из былин Чукова мотивы о царстве Подсолнечном и летающем орле, на спине которого сидит герой, напоминают нам соответствующие мотивы карельских рун о солнечной стране Пяйвеле и героях, летающих на спине огромного орла.

Из вышеперечисленных вариантов карельской сказки об Илье Муромце наиболее близок к традиционным сюжетам русских былин вариант, записанный от коткозерского сказителя Филиппова. Его пребывание во время первой мировой войны в Киеве содействовало сохранению упоминаний о Киеве и мотивов о князе Владимире и Соловье-разбойнике в его варианте, в то время как из других вариантов карельской сказки эти мотивы выпадают. Если карельский сказитель Сегозерского района Т. Туруев⁵ в своих эквиритмических переводах русских былин на карельский язык воспроизводит почти без изменений многие русские былины по прочитанному им сборнику Авенариуса, то неграмотный карел Филиппов воспроизводил устную былинную традицию.

¹ Архив ИИЯЛ К-Ф. Базы АН СССР.

² Там же.

³ Рыбников, I, № 36.

⁴ Архив ИИЯЛ К-Ф. Базы АН СССР.

⁵ Там же.

Общими для всех карельских вариантов сказки об Илье Муромце являются мотивы об исцелении Ильи и передаче Святогором своей силы через дух. По русским и карельским вариантам, Илью исцеляют калики перехожие. Любопытно в этой связи отметить факт подмены имени героя карельских рун Калева именем Калики в варианте старой записи от северо-карельской сказительницы Мавры Хотеевой.¹ До своего исцеления богатырь без рук, без ног десятки лет лежит на печи. Если в двух вариантах карельских сказок этот богатырь называется не Ильей, а Ильмой, то Муромцем он называется во всех вариантах карельских сказок об этом богатыре. Характерно, что в отдельных вариантах карельских сказок годами не слезающий с печи герой называется Тухки Муровичем, т. е. как бы Пепелом Муровичем, а печка, на которой лежит годами герой русской сказки также называется печью муровляной. Упомянутый выше вариант сказки коткозерского сказителя Артемьева кончается мотивом о том, как исцеленный каликами Илья выражает желание силой своих рук столкнуть вместе небо и землю. Такой же мотив имеется в карельских вариантах других упомянутых сказителей (в частности, у Гордеева), но во всех других вариантах сказки об Илье Муромце сюжет об исцелении Ильи контаминируется с сюжетом «Илья Муромец и Святогор».

Можно согласиться с Вс. Миллером и А. М. Астаховой в вопросе о времени приурочения и оформления былины-сказки об исцелении Ильи Муромца.² Вероятно, утверждение о позднем сложении былины и верно. Перед нами стоит задача показать, что варианты этой былины-сказки на карельском языке бытуют среди карел почти так же широко, как и среди русских. Следует отметить, что русские варианты былины-сказки обнаружены в основном на Севере по соседству с карелами.

Карельские варианты былины об исцелении Ильи Муромца дают нам лишнее основание говорить об отражении в этой былине крестьянских идеалов и интересов, что способствует окончательному разрешению вопроса о среде, сложившей былинку.

Именно крестьянский облик Ильи Муромца и импонирующий крестьянству образ Дюка, как идеал зажиточности сделали только этих двух русских богатырей родными, своими для карельского фольклора образами. Если русские фольклористы правы в своем предположении о том, что сюжет об исцелении Ильи вошел в русскую былинку позднее, то тогда для уяснения вопроса о происхождении этой русской былины об исцелении Ильи Муромца особую ценность приобретают именно карельские варианты сказки об Илье Муромце.

Как уже сказано, большинство вариантов карельских сказок об Илье Муромце дает контаминацию сюжетов об исцелении Ильи и его встрече со Святогором. В отношении русских былин А. М. Астахова также пишет об органичности случаев объединения этих сюжетов. Как и в ряде русских былин на сюжет о встрече Ильи со Святогором (особенно у Марфы Крюковой), в карельских вариантах сказки на этот сюжет имеется налицо психологизация эпизодов этого сюжета: наговор жены Святогора на Илью Муромца, единоборство Ильи со Святогором. Однако в отдельных вариантах карельской сказки об Илье Муромце (в частности, в варианте, записанном мною от певца рун из села Сы-

¹ Suomen kansan vanhat runot, I, 4, No 2179.

² А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948.

сойла Ведлозерского района П. Т. Прокопьева¹ мотив наговора жены Святогора на Илью подан совершенно иначе, чем в русской былине. Святогор, согласно сказке Прокопьева, дает Илье ключи и приказывает ему одиннадцать амбаров открывать, двенадцатый амбар оставить закрытым, но тот, открывая этот двенадцатый амбар, обнаруживает в нем девушку, испуг которой заставляет Илью обратиться в бегство. Вернувшийся домой Святогор направляется в погоню за Ильей, обнаруживает в пути сумку переметную, пытается поднять ее, погружается в землю, начинает умирать, а подоспевший к нему Илья Муромец получает от него богатырскую силу через вздох умирающего. Таксовкратце содержание второй части сказки Прокопьева. Кстати, мотив передачи богатырской силы через вздох появляется в контаминациях карельских сказок на сюжеты, в целом не связанные с сюжетом русских былин. Такой мотив, например, имеется в записанной в селе Паданы карельской сказке «Обледеневшее царство»². Однако и другие эпизоды былины «Илья и Святогор» перекликаются с соответствующими мотивами карельских сказок и даже эпических песен. Так, эпизод о примерке гроба Егором — Святогором,³ проявляющийся, например, в одном мезенском варианте, после описания боя с поленицей, следует сопоставить с мотивом о примерке гроба кузнецом Ильмойллиненным и смертью, данным в немногочисленных вариантах соответствующей южно-карельской руны.

Епрочем, в ряде карельских эпических песен о ковании кузнецом Хинси цепи для Луне и его преследовании появляется мотив о неантропоморфизировавшейся Пюхямяги, что буквально переводится на русский язык как «Святая гора», мыслящаяся в карельском фольклоре таким же источником силы, каким мыслится богатырь русской былины Святогор.

Былина о передаче силы Святогором Илье Муромцу имеется в ограниченном количестве вариантов и представлена лишь записями из районов русского Севера, чаще всего в контаминации с другими сюжетами об Илье Муромце. Имеется около 20 вариантов этой былины, из них больше половины — прозаические пересказы, большая часть которых записана в Заонежье. Но и варианты, записанные восточнее Заонежья, так или иначе связываются с Великим Новгородом, и даже в одном мезенском варианте былины про Илью и Святогора появляется упоминание Невы.

Нам кажется, что карельские варианты сказки о встрече Ильи Муромца и Святогора должны пролить свет на развитие сюжета одноименной русской былины. Этим утверждением мы еще не причисляем себя к сторонникам русской исторической школы в фольклористике по этому вопросу. Глава этой школы Вс. Миллер в свое время присоединился к концепции С. К. Шамбинаго⁴ о финско-эстонском происхождении сказаний о Святогоре, опиравшейся на сопоставление ими былин о Святогоре с эстонской поэмой о Калевипоэге. Против этой, не лишенной интереса, теории возражал А. Н. Веселовский, подчеркивая значение

¹ Архив ИИЯЛ К.-Ф. Базы АН СССР.

² Там же. Русский перевод сказки, см. «Карельские сказки». Петрозаводск. 1947, стр. 45—51.

³ А. М. Астахова. Былины Севера. Т. I, стр. 145—148.

⁴ С. К. Шамбинаго. Старины о Святогоре и поэмы о Калевипоэге. Журн. Мин. Нар. Просвещения за 1902 г.

легендарных библейских мотивов о Самсоне. Однако ни одна из этих концепций для нас не приемлема, и нам кажется, что в разрешении проблемы, связанной с былинной о Святогоре, ближе всех к истине подошла А. М. Астахова, утверждавшая, что вопрос о происхождении этого сложного и загадочного образа Святогора может быть решен лишь изучением его в свете стадиального развития поэтических представлений.¹ Безусловно, исторические корни образа Святогора восходят к доклассовому обществу, когда еще не было ни финнов, ни эстов, ни русских-славян. С тех же пор, как былина «Святогор и Илья Муромец» уже сложилась, образ Святогора стал самобытным образом русского богатырского эпоса.

Остальные былины об Илье Муромце в качестве отдельных сказок на карельском языке не бытуют. Но в некоторых вариантах карельских сказок нашли свое отражение и такие сюжеты русских былин об Илье Муромце, о которых выше мы еще не упоминали. Так, например, если согласно сказке северно-карельской сказительницы Хотеевой Голь Кабацкая пирует у купца², то совершенно очевидно, что здесь этот безымянный купец подменил Илью Муромца, который, согласно русским былинам, созывает на пир Голь Кабацкую.

Как и Илья Муромец, популярный среди северного крестьянства богатырь русских былин Дюк так же стал героем сказок, рассказываемых на карельском языке карельскими сказителями, как заимствование, как перевод с русского языка. Но в то же время, стремясь превратить эту перелицованную русскую былинку в самобытную карельскую сказку, сказители-карелы отбрасывали опознавательное имя Дюк. Такая тенденция сказалась не только в разработках былинного сюжета «Дюк» южно-карельского и северно-карельского вариантов этой сказки, но то же стремление к подмене опознавательного имени богатыря Илья Муромца имеется в случае со сказкой северно-карельской сказительницы Хотеевой о Голи Кабацкой, равно как в случаях с переделкой имени Илья Муромца в карелизованное имя Ильмой в вышеупомянутых сказках об этом богатыре, записанных от сказителей Иванова и Гордеева из Ведлозерского и Пряжинского районов.

В этом отношении нам кажется более близким к русской былинной традиции вариант быliny на карельском языке о Дюке Степановиче, записанный от сказителя Сегозерского района Т. Туруева, который усвоил и перевел на карельский язык русские былины из книги.

Былина в записи от Туруева «Боярин Дюк Степанович» возводится А. М. Астаховой к популярному сборнику былин, составленному Авенариусом «лишь предположительно» ввиду того, что только немногие отдельные стихи и фрагменты близки к соответствующим местам авенариусовских текстов. «Дюк» Туруева, собственно говоря, лишь остов быliny, почти прозаический пересказ, в котором сохранены лишь основные звенья сюжета.

В беседе со мной Туруев сообщил, что былинку о Дюке он слышал в молодости в устном исполнении, и при чтении «толстой книги былин с картинками» он лишь восстановил в памяти слышанное ранее. Таким образом, сильное отличие туруевского текста быliny о Дюке от авенариусовского текста той же быliny может объясняться ролью доту-

¹ А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере.

² Архив ИИЯЛ К.-Ф. Базы АН СССР.

руевской устной былинной традиции, возбуждившей у Туруева интерес к чтению сборника былин Авенариуса.

Элементы, эпизоды местного, возможно, даже карельского происхождения, имеются в большом количестве вариантов русской быliny «Дюк». По этому поводу А. М. Астахова пишет: «Некоторый локальный характер приобретают былинныe образы и вследствие внесения местной географической номенклатуры. В вариантах, записанных в Олонецком крае, Дюк Степанович выезжает из «Индеюшки богатой» и из «Корелы», в них упоминается... Онегушко».¹

Прежде всего следует отметить, что Корела, как место проживания Дюка, упоминается не только в вариантах быliny о Дюке, записанных в Олонецком крае, но и на реке Печоре, в селениях Усть-Цильма и Великие Виски. Но большинство вариантов этой быliny с упоминанием Корелы, как края, где находится имение Дюка, относится к селениям Заонежья, Пудожского и Повенецкого краев.

Любопытно, что быliny о том, как Дюк Степанович выезжает «из той Корелы из богатя» в Киев, Рыбников записал от крестьянина дер. Кяменицы Василия Лазарева, который, по сведениям Рыбникова, был по национальности «кореляк».²

Утверждение А. М. Астаховой об упоминании Корелы в олонечких вариантах быliny о Дюке можно согласовать с наличием упоминания Корелы в печорских вариантах, видимо, при учете того обстоятельства, что после разрушения Выгозерских скитов при Николае I олонечскую версию быliny о Дюке, якобы имеющем свое имение в Кореле, старобрядчество могло перенести из Олонецкого края на Печору.

Между прочим, упоминание Корелы имеется и в былинах на другие сюжеты. Так, согласно варианту, записанному на Печоре в Великой Виске:

Эх во той же маленькой во Галицы великой,
Во той Корелы пребогатой
Да жила была вдова благочестивая,
Да по имени Емельфа Тимофеевна.
Кабы было у ей цado милое,
Да по имени Илья сын Иванович,
Да сидел то Илеюшка на печеньки,
Он на той же на печке на муравленка.³

Согласно одному варианту быliny, опубликованному Киреевским, «ездил стар Илья Муромец по цисту полю... не проедущи Корелы...». Кроме того, упоминание Корелы встречается в быline о наезде литовцев на Москву, в варианте, записанном Рыбниковым около Пудож-горы в дер. Горка от Калинина.

Но приписывание одного и того же упоминания Корелы, с одной стороны, быline о Дюке, а с другой стороны, иногда и быline о Илье Муромце, объясняется тем, что оба эти богатыря одинаково популярны среди северного крестьянства, а в контексте ряда былин действуют заодно, Илья Муромец заступает за Дюка, поручается за него перед князьями и боярами.

Исходя из вышеизложенных соображений, мы вовсе не собираемся

¹ А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Стр. 92.

² Рыбников. II. № 106. Кстати, были и другие карелы-исполнители русских былин.

³ А. М. Астахова. Быliny Севера. Т. I. № 95.

оспаривать установившееся среди исследователей былин представление о Дюке, как галицко-волынском эпическом герое. Но мы настаиваем на том, что традиционная формула былинны о Кореле, как месте жительства Дюка, наряду с Галицией, складывалась в течение столетий, иначе она не могла получить такое широкое распространение на Севере.

Необходимо отметить, что образ Дюка и по многим другим линиям органически увязывается с Севером и даже не только с русским фольклором, но и, в частности, с карельскими эпическими песнями. Со стороны композиции следует указать на мотив «трех застав», через которые проезжает Дюк. Если учесть то, что этот мотив встречается только в заонежских вариантах, то по соседству с Заонежьем надо обратить внимание на бытующую в карельских рунах независимую параллель этого эпизода — широко распространенный в мировом фольклоре мотив о трех препятствиях, которые преодолевает герой карельских рун. Мотив столкновения Дюка и Чурилы в церкви, возможно, также каким-то образом сказался в соответствующем мотиве некоторых вариантов карельских рун, согласно которым Еукахайнен и Вейнемейнен сталкиваются на дороге в церковь. Но такой мотив, как столкновение Лейнемейнена и Еукахайнена на дороге в церковь, разумеется, мог появиться в отдельных вариантах руны о состязании в пении лишь под влиянием каких-то внешних факторов, не только бытовых (строительство церквей в местностях и в эпоху активного бытования карельской руны о состязании в пении), но и фактора взаимовлияния произведений устной поэзии соседствующих друг с другом народов.

В обрисовке дюкова имения русский филолог Халанский¹, а вслед за ним и другие исследователи видели отражение московских бытовых черт XVI века. Это обстоятельство не снимает вопроса о южном, галицко-волынском происхождении Дюка и тем более Чурилы.

Любопытно, что имя Чурилы отложилось и в северно-карельских шуточных народных песнях. В двух вариантах этих песен сообщается о том, что —

Tšurulass' on suuri pirtti,
Uusi pirtti, vanha pirtti,
Tšuppu oli täysi neitosia.
Musta lehmä lattialla,
Ukko sarvesta pitää,
Akka alla lypsää...
Tšurulass on suuri pirtti,
Syyväh, juuvah,
Leävän ovi stolana,
Vasan nahka skoatterina,
Lampahan kapitat on lusikkoina

В Чуруле — изба большая,
Новая и старая,
Девушками занят угол.
Черную в избе корову
За рога старик хватает,
Бабка же доит корову...
В Чуруле — изба большая.
Там едят и пьют,
А столом то — дверь хлевушки,
Скатертью же — шкура теленка,
Ложками — копыта овцы.²

Интересно то, что эти шуточные мотивы карельских песен перекликаются с тенденцией русской былинны к шутливому высмеиванию образа Чурилы.

В процессе уподобления сюжета и мотивов русской былинны о состязании конями Дюка и Чурилы и карельской руны о состязании Еукахайнена и Вейнемейнена, едущих на конях, запряженных в сани, складывается уподобление типических черт Дюка и Еукахайнена (пристрастие обоих к хвастовству), что ведет к возникновению взаимного

¹ М. Халанский. К былинне про Дюка Степановича. Русский Филолог. Вестник, 1891, № 4, стр. 165—172.

² Suomen kansan vanhat runot, I, 2158, 2281.

влияния образов обоих этих героев на сравнительно позднюю народную этимологизацию их имен, а это начинает приводить даже к фонетическому уподоблению имен Дюк и Еуко.

Таким образом, получив в русской былинной традиции совершенно самостоятельное происхождение, Дюк (после вероятного переноса былины на Север) нашел в лице героя карельских рун Еуко (или с суффиксацией — Еукахайнена) сходный фольклорный образ, возникший в одинаковых у русских и карел социально-экономических условиях.

Созвучание имен Дюк и Еуко не является решающим моментом при определении путей сближения этих фольклорных персонажей из эпоса народов, веками живших по соседству и поддерживающих между собой дружественные отношения. Однако представляется возможным установить фонетически непрерывающийся ряд разновидностей этих двух имен. Мать богатыря, согласно карельскому варианту сказки о Дюке, записанному от ведлозерской сказительницы А. Вороновой¹, называется Юкиной Матушкой, а эта карельская разновидность имени Дюка — Юк по своему звучанию притягивается к имени героя карельских рун Еуко. Мотив состязания Еуко-Еукахайнена и Вейнемейнена нельзя в целом сопоставлять с мотивом о конфликте, в который вступают былинный Дюк, с одной стороны, и Чурила, а в некоторых вариантах Алеша Попович (Н. Рыбников, II, 144 и 202), с другой стороны, но, видимо, были какие-то причины, обусловившие замену змея Ягой в крюковских вариантах былины о богатырском бое Яги с Олешенькой. Кроме того, мотив состязания конями, проявляющийся не только в вариантах русских былин о Дюке, но и в карельской сказке Вороновой о Чуру Плюнковиче и Юкиной Матушке, каким-то образом перекликается с мотивом о том, как Вейнемейнен и Еукахайнен наезжают друг на друга на конях, запряженных в сани.

В фонетически непрерывающийся ряд разновидностей имен Еуко и Дюк становятся вариации имени героя карело-финских рун: Югамойне (в руне М. Песковой из дер. Ангенлахта Пряжинского района), Деугамойне, Деуго, Деуко и др.² Такое фонетическое сближение имен, близких по типическим чертам, но имеющих разное происхождение, эпических персонажей Дюка и Еуко можно объяснить стремлением дать народную этимологию имени, фигурирующего в иноязычном эпосе соседнего народа.

Однако нельзя забывать и о существенном различии этих двух образов, олицетворяющих людей разных социально-экономических формаций. Если Дюк изображается боярином, то герой рун «Калевалы» Еуко или Еукахайнен ни в коем случае не может быть назван персонажем феодального общества. Термин «боярин» (паяри) появляется в совершенно ином контексте карело-финских эпических песен. В отдельных контаминациях руны о состязании в пении юный Еукахайнен заявляет:

Suuria soti' on käymmä
Venäläisen joutuvaksi.
Kruunun moalla kallehella.

В бой великий мы собрались,
Вместе с русскими пойдем мы
В край красивый, чуждадельный.³

Но следует более детально исследовать закономерность соответствия

¹ Архив ИИЯЛ К-Ф Базы АН СССР.

² Там же.

³ Там же, I, 1009.

мотивов о сборах Еукахайнена в русский край и о поездке Дюка «из Корелушки богатой» в стольный град древней Руси Киев.

Остается сказать несколько слов о былинах про Рахту Рагнозерского, которая имеет местное, олонекское происхождение. Эта былина может служить ярким примером того, как легко местные предания подвергались эпизации среди северного русского крестьянства. Предание с сюжетом Рахты Рагнозерского в старых записях зафиксировано на карельском языке в дер. Семчезеро, ныне Петровского района, где вместо имени Рахты выступает имя Курик¹. Из новых записей можно отметить вариант, записанный в селе Видлицы Олонекского района, где по-карельски повествуется о том, как, не желая приютить заблудившихся шведских лазутчиков-соглядатаев в своем доме, находившемся выше по течению той реки, на берегу которой они находились, охотник, придя домой, приказал жене не бросать в реку щепок, чтобы тем самым не выдать шведам местонахождение своего жилища. Однако жена изменила мужу и родине, предоставив шведам возможность связать своего мужа. Но сын охотника освобождает отца, и тот мстит шведам и изменнице жене. В данном случае совпадение сюжетов карельского предания и русской былины о Рахте объясняется конкретными социально-экономическими условиями эпизации местных карельских преданий, тем более, что и варианты имени Рахты имеют явно карельское происхождение.

* * *

Для того, чтобы дать представление о том, насколько глубоко в историю уходят русско-карельские фольклорные связи, следовало бы вкратце остановиться на общих явлениях в языке русского и карельского эпоса. Это — большой вопрос, и он может служить темой особой статьи.

Предоставляется возможным отметить такие необычные для живой карело-финской речи синтаксические явления, которые в языке карельских рун обнаруживают схождения с синтаксическим строем языка русских былин или же русского языка в целом.

Иногда, вопреки согласованию лексем, установившемуся внутри сложных слов живой карело-финской речи, язык карельских рун дает аналогичное русскому синтаксическому строю положение, когда в сложных словах существительное, выступающее в качестве определения, склоняется по образцу основного определяемого слова. Например, вместо литературно-финского «*anna osto-olutta*» (буквально: «дай купля-пиво») в рунах «Калевалы» появляется стих «*anna osto olutta*», что буквально переводится, как «дай купленного пива».

В ряде случаев язык карельских рун дает порядок слов, соответствующий синтаксическим нормам русского языка. Очень часто в языке рун генетивное определение выступает как и в русском языке после основного определяемого слова, в то время как живая карело-финская речь требует совсем иного порядка слов. Так, например, в карельских вариантах руны о поимке девы-лососа появляется стих «*vyöltä vanhan Väinämöisen*» (буквально: «с пояса старого Вейнемейнена»), который на литературном финском языке может выглядеть лишь с порядком слов «*vanhan Väinämöisen vyöltä*» (буквально: «старого Вейнемейнена

¹ Олонекские Губернские Ведомости, 1863 г., № 40.

с пояса»). Такой странный для живой карело-финской речи порядок слов в вариантах рун «Калевалы» принято объяснять поэтической инверсией. Однако в данном случае инверсия сама нуждается в объяснении. Следует уяснить вопрос о том, почему поэтическая инверсия, отталкивая язык карельских рун от живой карело-финской речи, тем самым приближает поэтическую речь карел к синтаксическим нормам русского языка.

В той же синтаксической связи некоторые послелоговые конструкции живой карело-финской речи в языке карельских рун, как и в русском языке, появляются в качестве предлогов, что финские исследователи также пытались объяснить простой инверсией, вне ее обусловленности русско-карельскими или даже более древними финско-славянскими языковыми связями.

Если литературный финский язык требует синтаксических образований типа: «Ilmarisen ahjon alta», «vanhan Väinämöisen kanssa» (буквально: «Ильмаринена горна из-под», «старого Вейнемейнена с вместе»), то язык карельских рун в этих случаях дает инверсию «alta ahjon Ilmarisen», «kanssa vanhan Väinämöisen» (буквально: «из-под горна Ильмаринена», «вместе со старого Вейнемейнена»).

Некоторые схождения между русской речью и языком карельских рун и отличие последнего от западно-финской речи намечаются в словообразовании.

Следует также поставить вопрос о том, в какой мере под воздействием славянских языков и прежде всего русской речи, особенно характерной для языка рун «Калевалы», становится чуждая для западно-финской речи тенденция к образованию грамматической категории женского рода. Так, в карельских рунах появляются имена Пяйвятар, Осмотар (буквально: «Дочь солнца», «Дочь осмо-медведя»), в которых показатель женского рода тар, тар образован из усеченного слова тютар «дочь».

Чрезвычайно показательно выступают языковые связи между карельскими рунами и русскими былинами и вообще русско-карельские языковые связи применительно к употреблению вспомогательного глагола «olla» — «быть». Подобно положению вещей в восточно-славянских языках, например, в русском языке, этот вспомогательный глагол в оформлении грамматической категории настоящего времени в языке карельских рун выпадает, в то время, как в живой карело-финской речи он всегда имеется налицо. Такое выпадение вспомогательного глагола финские филологи пытались объяснить формалистически, как результат применения поэтического приема, известного под названием «эллипс», однако этот поэтический прием также может быть объяснен, тем более, что его применение синтаксически приближает язык карельских рун к русской речи.

Стихи рун «Калевалы» Saaren maat saroin jaettu, Millä työllä uusi ogja, Tämä pursi, Väinämöisen, буквально переводимые на русский язык как «земли острова поделены на полосы», «на какой работе новый раб», «это лодка Вейнемейнена», на литературном финском языке могут выступать лишь со вспомогательным глаголом «on» — «есть». Во всех этих случаях выпадения вспомогательного глагола синтаксическое дополнение оформлено, как и в русском языке, в родительном падеже.

В противоположность эллипсу (в данном случае — выпадению вспомогательного глагола), иногда в языке карельских рун этот глагол появляется вопреки требованиям синтаксиса живой карело-финской речи,

притом в таком же синтаксическом положении этот вспомогательный глагол выступает в виде архаического «еси» в языке русских былин, противореча синтаксическим нормам современного русского языка. Отражение русской былинной формулы «Гой ты еси, Илья Муромец» — мы находим в стихах южчо-карельской руны «Oi on seppä Ilmoilline lähtöy sulhoimiehyzikse», которые в переводе на русский язык могут звучать буквально следующим образом: «Ой еси кузнец Илмойллине направляется в женихи».

По поводу этого явления финский филолог Алквист писал очень коротко: «слово *on* — есть вносится в стихи рун вне его значения»¹. Однако никто из исследователей не отмечал того, что аналогичные синтаксические построения имеются в языке русских былин. Между тем на это следует обратить особое внимание.

На этом далеко не ограничиваются наши наблюдения над синтаксическими схождениями языка карельских рун и русского фольклора.

Несколько слов необходимо сказать и о характере русско-карельских лексических схождений в карельских рунах, преимущественно о лексических параллелизмах, хотя в целом этот вопрос также остается темой особой статьи.

Варианты карельских рун чрезвычайно насыщены параллелизмами, притом чаще всего это лексические параллелизмы, основанные на карело-русском, а в ряде случаев — на карело-финском двуязычии. Развитие параллелизмов, как приемов передачи одной и той же мысли двумя параллельно стоящими и лексически-разноязычными выражениями, безусловно, говорит о двуязычной среде оформления рун «Калевалы». Если карельский язык занимал центральное и абсолютно доминирующее место, как национальная форма выражения этого эпоса, то русские и финские лексические параллелизмы, выступающие рядом с карельскими словами, их синонимами, свидетельствуют о той языковой среде, которая содействовала развитию рун «Калевалы». Здесь представляется возможным подчеркнуть то, что карело-русские лексические параллелизмы, как и вообще русская лексика, в карельских рунах занимают не менее видное место, чем карело-финские параллелизмы. При чтении некоторых вариантов рун создается такое впечатление, точно русский текст наложен на карело-финский, точно в процессе амебейного исполнения рун на карельском языке после каждого стиха первого карельского певца второй певец повторял его мысль средствами русской или в других случаях финской лексики. За недостатком места свои выводы не иллюстрирую конкретными примерами из карельских рун.

Все вышеотмеченные схождения языка карельских рун и русского эпоса говорят о том, насколько глубоко в прошлое уходят русско-карельские фольклорные связи.

* * *

В заключение необходимо указать, что русско-карельские фольклорные связи сказываются не только в эпических песнях наших народов, связанных вековой дружбой, но и в карельских и русских исторических песнях. Общие исторические судьбы карельского и русского населения северо-западных окраин нашей Родины привели к общности

¹ Ahlqvist. Suomalainen runousoppi kielelliseltä kannalta. Helsinki, 1863, стр. 31.

тематики исторических песен карельского и русского народов. Русско-шведские войны при Иване Грозном и Петре I и Отечественная война 1812 года в разной степени стали темами карельских и русских исторических песен. Но то обстоятельство, что эти события при совместных встречах двуязычных карел и русских хотя бы на Шуньгской ярмарке может быть, волновали умы народа не так долго, как отражение в эпосе легендарных воспоминаний о героическом прошлом Великой Руси, привело к тому, что идеологическая общность тематики карельских и русских исторических песен не успела завершиться их сюжетным уподоблением и схождением их фольклорных мотивов.

Наконец, одинаковые социально-экономические условия жизни и общие усилия карельского и русского населения северо-западных окраин нашей Родины в их труде на всеобщее благо, в борьбе против внешних и внутренних врагов после Великой Октябрьской революции привели к созданию эпических и иных фольклорных новообразований уже на советскую тематику. События, связанные с гражданской войной, победой социалистической революции в деревне, с годами социалистического строительства, коллективизации сельского хозяйства, со сталинскими пятилетками и, наконец, с Великой Отечественной войной, послужили общими темами для карельских и русских фольклорных новообразований. Однако и тут идеологическая общность тематики не успела еще привести к сюжетному уподоблению советских фольклорных новообразований у карельских и русских сказителей Карело-Финской ССР.

Правда, в некоторых случаях одинаковый ход событий сказался на уподоблении сюжетных коллизий карельских и русских произведений советского фольклора.

Можно сослаться на пример того, что в эпических разработках на тему о походе красных лыжников под руководством тов. Антикайнена на Кимасозеро, записанных на карельском и русском языках в виде советских песен и былин от карельских сказителей Никифоровой и Туруева и от русского сказителя Рябикина-Андреева,¹ сюжет разворачивается в общих чертах одинаково, приобретая биографический характер, поскольку одинаков был ход событий во время похода на Кимасозеро не только объективно, но и по субъективным представлениям сказителей, основанным на личных воспоминаниях, беседах сказителей с тов. Антикайненым и на чтении литературы об этом событии. Идеологическое осмысление этого события, как и других советских тем, у карельских и русских сказителей, естественно, также одинаково. Карельские и русские сказители в их новообразованиях воспевают одних и тех же советских героев, Ленина и Сталина, осуществивших вековые мечты народа, отраженные и в старом эпосе. Отсюда постоянные аналогии и реминисценции в произведениях советского фольклора у карел из рун, у русских из былин.

Таким образом, не только развитие традиционного, но и советского фольклора в Карело-Финской ССР по всем линиям можно рассматривать в свете русско-карельских фольклорных связей.

¹ Архив ИИЯЛ К-Ф Базы АН СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции	5
Приветственная телеграмма товарищу И. В. Сталину	7
Приветственная телеграмма товарищу В. М. Молотову	9
Приветственная телеграмма Президенту Академии наук СССР С. И. Вавилову	11
Проф. И. И. Горский. Карело-Финская научно-исследовательская База Академии наук СССР — научный центр Республики	12
Проф. С. В. Герд. Карело-Финская ССР и ее природные богатства	23
В. И. Машезерский. Карело-финский народ в борьбе за власть Советов и образование Карельской АССР	28
Проф. Д. В. Бубрих. Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных	42
К. В. Чистов. Роль русского фольклора Карелии в русском народном творчестве	51
В. Я. Евсеев. Руны «Калевалы» и русско-карельские фольклорные связи	69

SISÄLTÖ

Toimitukselta	
Tervehdyssähkösanoma toveri J. V. Stalinille	
Tervehdyssähkösanoma toveri V. M. Molotoville	
Tervehdyssähkösanoma SNTL:n Tiedekatemian Presidentille S. I. Vaviloville	
Prof. I. I. Gorski. SNTL:n Tiedekatemian Karjalais-Suomalainen Tieteellinen Tutkimusjaosto — tasavallan tiedellinen keskus	
Prof. S. V. Gerd. Karjalais-Suomalainen SNT ja sen luonnonrikkaudet	
V. I. Masherski. Karjalais-suomalainen kansa taistelussa neuvostovallan puolesta ja Karjalan ASNT:n muodostuminen	
Prof. D. V. Bubrih. Karjalan kansan historiallinen menneisyys kielitieteellisten todisteiden valossa	
K. V. Tshistov. Karjalan venäjänkielisen folkloren osuus venäläisessä kansanrunoudessa	
V. J. Jevsejev. „Kalevalan” runot ja venäläis-karjalaiset folkloreyhteydet	

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует
53	26 сверху	скромее	скромнее
56	16 „	фактов	факторов
58	13 „	победившего	победивших
60	4 „	героя	горя
63	21—22 „	психологическое	психологически
71	13 снизу	финиэированных	не финиэированных
81	18 сверху	проявляющийся	появляющийся
85	24 „		